ЛЕНИНСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ
ФРАНЦУЗСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. БЕРНАРА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1925

ЛЕНИНСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

22 АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ОЧЕРКА АКТИВНЫХ РАБОТНИКОВ К. П. ФРАНЦИИ

Под редакцией, с введением и примечаниями
А. БЕРНАРА,
руководителя Центральной Ленинской партшколы К. П. Франции

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1925 ☆ ЛЕНИНГРАД

Главлит № 42948. Гиз № 14666. АП. № 313. Тираж 5.000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий“. Москва, Пименовская, 16.

Ленинское поколение французского пролетариата.

Уже давно минула годовщина смерти Ленина. Когда он ушел, никому не хотелось верить, что ужасное свершилось. Однако застывшее лицо и желтые, как воск, руки неопровержимо свидетельствовали, что Ленин умер.

Но могучий внутренний голос говорил, что Ленин жив. Кому довелось побывать в те дни в России, тот никогда не забудет виденного: тысячи рабочих и работниц от станка стремительно вступали в партию, свидетельствуя, что Ленин не умер, что он мощно живет не только в деле своих рук—в РКП и СССР, но и в исполинском поколении пролетариев, которые мыслят и действуют в его духе.

Так было в России.

Но Ленин—вождь не только русского, но и всемирного пролетариата. Что же другие страны? Пустил ли там ленинизм корни так же глубоко, как в Союзе красных республик?

В годовщину смерти Ленина я ставил себе этот вопрос, и все радостно прыгало во мне: да, да! Ленин жив, он живет и в странах Запада, не только в идеях вождей и теоретиков коммунистической партии, но и в умах поколения в целом.

Я 5 месяцев работал в коммунистической партии Франции в эпоху реорганизации ее на основе производственных ячеек, при чем два месяца в 1-й крупной партшколе.

Коммунисты от станка себе говорили: вождь наш умер. В чем же состоит теперь наш долг? И в рабочем классе Франции в эти два месяца била струя, напоминавшая ленинский призыв в России. Преисполненные чувством ответственности, они дружно производили чистку партии от задержавшихся на верхушке мелкобуржуазных элементов, стремясь—впервые в истории французского рабочего движения—выковать французскую секцию Коминтерна в пролетарскую революционную массовую партию. Это им удалось. Партийная заводская масса отмела от себя путаных и словоохотливых мещан, верховодивших со старых времен в секциях, взяла в свои руки руководство районами и мужественно зашагала навстречу дисциплинированным революционным действиям, редко виданным Францией.

Участники этого процесса всегда будут хранить его в памяти, как и ленинский призыв в России.

Кто же сотворил это чудо? Новое революционное поколение, дети войны и революции, ленинское поколение.

Оно заслужило это имя. Эта рабочая молодежь словно всосала ленинские идеи с молоком матери. Лучшее доказательство тому—ленинская партшкола. Она вобрала в себя 60 партийных рабочих, в том числе 53 человека от станка (металлистов, горнорабочих, текстильщиков, машиностроителей, обувщиков) и 7 служащих и ремесленников. Средний возраст их—25 лет. Большинство вошло в партию в 1920 или 1921 г., когда старая социалистическая партия вступила в III Интернационал. Сколько сотен лучших то-

варищей ждали этого для вступления в партию! Чуть не с первого момента вступления они стали ее активными работниками, а теперь секретарствуют в ячейках, районных и окружных организациях, ведут профработу, агитируют и т. д. Днем на фабрике, вечером в организации,—где тут время для основательного ознакомления с теорией?

И все же чудо свершается: эта молодежь высказывает в школе такие мысли и суждения, будто век изучала Ленина. Мысли эти наивны и примитивны, но по существу правильны и крепки запали ей в голову.

Этим рабочим, отобранным из верхнего революционного слоя современного французского пролетариата, объяснить позицию реформистов зачастую труднее, чем ленинский подход к той же проблеме.

«Государство есть нечто надклассовое? Да разве это возможно? Ведь, мы, что ни день, видим обратное»... Учащиеся сыплют примерами, иллюстрирующими классовый характер государства, простыми, повседневными, но меткими примерами, которые так любил Ленин..

Высшие финансовые круги заинтересованы в установлении вечного мира? Им приписывают тенденцию мирного улажения интересов различных империализмов? Но, ведь, высшие финансовые круги... И опять примеры, свидетельствующие, что наши товарищи зорко присматриваются к окружающему, читают газеты и в курсе международных событий.

Таковы рабочие страны, где массы всегда были чужды марксистской традиции, где глупейший мещанский индустриализм успешно выдавал себя за социализм, где преклонение пред вождями зачастую затмевало теоретическую истину и этическая фразеология—политическую мысль.

Времена почитания героев минули. Идет ленинское поколение. Тот, кого восторженно приветствовали вчера, оказывается сброшенным с пьедестала, как только свернет с ленинского пути. Назидателен в этом отношении пример Фроссара. Любимец парижских рабочих, крупный оратор и трибун, он выродился в забытого всеми чернильного борзописца вечерней газетки лишь потому, что не устоял на ленинском пути.

А Жорес? Когда, беседуя с учениками, я упомянул имя Жореса в связи с теорией сверхимпериализма, вокруг зазвучали энергичные протесты: не может быть! Жорес—революционер! Он не мог мыслить так нелепо! Когда же я зачитывал наиболее характерные места речи Жореса в палате в 1912 г. на тему о «трех гарантиях международного мира», в числе которых фигурировали высшие финансовые круги и «американский идеализм», раздалось удивленное «ах!» и замечание: «да, ведь, это хуже Эррио»... Жорес, как теоретик, перестает для них существовать. Ленинскому поколению театральные герои не нужны, ему нужны революционеры-марксисты, оно хочет итти ленинским путем.

Я мог бы привести множество аналогичных примеров. Что бы мы ни взяли: аграрный вопрос, теорию революции, колониальный вопрос, тактическую проблему,—всюду у этой революционной молодежи есть свое крепко сложившееся, быть-может, корявое, но, несомненно, идущее по линии ленинизма мнение. Преподавателю остается помочь только его кристаллизации и углублению и ретроспективно противопоставить ему позицию противников.

Это основное большевистское мировоззрение обнимает собой все, вплоть до самых отдаленных вещей. Кто знаком с западно-европейским, вышедшим из недр социал-демократии коммунистическим движением, тот

знает, как трудно бороться там против индивидуальной косности даже лучших товарищей. Поскольку дело касается партработы, все идет прекрасно. Но впустить партию в личную жизнь, подчинить ее партийному приказу и партийному контролю,—нет, уж увольте. Полная готовность подчиниться приказам ЦК партии, готовность покинуть «уютную семью», переменить профессию или запустить бороду, когда того требует партия, встречается редко в западно-европейском движении. Иначе обстоит дело в ленинском поколении. Оно живет и умирает для партии. Все слушатели партшколы без исключения, не задумываясь, отвечали в анкетах на соответствующий вопрос так: мы отдаем себя целиком в распоряжение партии, шлите нас завтра на край света,—мы пойдем. А были среди них и женатые с 2—3 детьми, были высококвалифицированные рабочие, которым предстояло с высокой заработной платы перейти на скудное партийное содержание.

Дух большевизма проник в ряды французского пролетариата.

Что же подготовило этот переворот, откуда это свойство у нового рабочего поколения?

Ленинская школа дала ясный ответ и на этот вопрос. У меня в руках автобиографии ее слушателей. Они содержат в себе однотипный ответ на вопрос: как вы стали коммунистом? В нашей агитационно-пропагандистской работе мы не знаем как следует, на что опереться в нашей агитации и пропаганде. Ряд биографий, ярко рисующих впечатления, события, переживания, книги и прочее, толкнувшее наших лучших учеников на путь коммунизма, служат ключом к разрешению этого вопроса.

Но этого мало: это—чудесная хрестоматия по исто-

рическому материализму, выпукло иллюстрирующая то положение, что бытие определяет сознание, а не наоборот.

Когда вы читаете эти жизнеописания рядовых рабочих, пред вами проходит вся картина Франции довоенной и дореволюционной, и вы начинаете понимать, что это поколение непременно должно стать ленинским. Здесь, как живые, все силы, в недрах которых родился ленинизм,—родился в мозгу гениального вождя, потому что он смутно бродил уже в умах многомиллионной массы.

Война! Она, несомненно, в центре событий, сформировавших этих людей. Невзгоды пролетарской жизни—голодная заработная плата, безработица, болезни и сиротство—не помешали большинству этой рабочей молодежи пойти на войну патриотами. Но иллюзии рассеялись одна за другой. Их разбила жестокая действительность. Какими же сторонами поворачивается к нам война в этих жизнеописаниях? Мы узнаем вещи, о которых вряд ли подозревали: восстания целых дивизий во всех уголках земли, карательные экспедиции и крестьянские бунты против продолжения войны.

(Разве не классична эта фигура старого крестьянина, своеобразно ведущего на фронте пропаганду и, не переставая, бормочущего про себя: зачем держат нас здесь эти разбойники? Зачем мне воевать? Немцы мне ничего не сделали,—к чему же их убивать? Юный рабочий сначала пропускает эти слова мимо ушей, потом начинает к ним прислушиваться, мало-помалу подпадает под влияние этой пропаганды, неугомонно повторяемые вопросы проникают в его сознание, и он, наконец, чувствует себя вынужденным искать на них ответа.)

А дальше русская революция. Сквозь мрак пораже-

ний, неудачных антивоенных бунтов, проигранных стачек, измены вождей мерцает надежда: «жива Россия». Русская революция представляется образцом «нормального» выхода. Видя катастрофическое нарастание событий в Германии, французский солдат, по существу уже коммунист, смекает, что все идет «нормально» и естественно приведет к «диктатуре пролетариата».

А на-ряду с русской революцией и III Интернационал. Он дает возможность перехода из оппортунистического болота к «нормальной» революции. Партия Ренаделя и Блюма не годится. Взоры устремлены на Москву. «Если партия вступит в III Интернационал, я иду в партию»,—так мыслили тысячи лучших людей, и так они поступали.

Предательство реформистов в крупных стачках, сумасбродство анархистов в момент, когда нужно оказывать действенную помощь революции (чтобы помочь германским собратьям в 1923 г., нужны были дисциплина и дружные действия, а не болтовня и индивидуальные выпады), производили самое отталкивающее впечатление на революционных рабочих, тяготевших к русской революции. Новое поколение стряхнуло с себя пыль «старых традиций» французского социализма и окончательно повернулось лицом к большевизму.

Из этих биографий отчетливо выкристаллизовывается в конечном счете еще один момент: борьба Комсомола за большевизацию партии. Здесь рассказ выходит за рамки индивидуального жизнеописания, здесь мы видим всю организацию молодого ленинского поколения за работой—не только в Париже, но и в провинции, вплоть до таких отдаленных местечек, как Сент-Этьен и Монпелье. Борьба молодежи, а позд-

нее организованной левой, в отравленной оппортунистическим ядом партии («я окончательно стал коммунистом во время дискуссии «левых») рисует многообразную картину борьбы, в процессе которой сформировалось ленинское поколение.

И здесь, в биографиях, как и в школьной практике, на-ряду с политическими черточками, дают себя чувствовать индивидуальные: широта наблюдения и восприятия, богатство изобразительности у рабочих, едва грамотных в орфографическом отношении, тонкий юмор, изумительный такт. Вот картинка, изображающая ребят, копающихся в мусорной яме в поисках кусочков угля; налет сторожа, их отчаяние, когда их сбрасывают пинком ноги, и зарождение в этих маленьких сердечках ненависти к имущим. Не яркая ли это картинка для рабочей хрестоматии? А тонкий такт, с которым рассказчик нащупывает исторически-материалистическое объяснение грубому поведению в семье бедного, замученного нуждой отца: «Отец мой, натура революционная, разнуздывал дома свой гнев».

Эти сыновья рабочих и крестьян не только закаленные мужественные революционеры, но и превосходные, благородные натуры и своеобразные художники.

Воистину, это—ленинское поколение французского пролетариата. Смело можно сказать, что эти 60 товарищей—лишь представители стольких же тысяч, сотен тысяч революционных рабочих и крестьян—большевиков по самому строю своей психики.

Со спокойным сердцем и за Запад Европы мы говорим:

Ленин жив. Он жив в целом поколении.

А. Бернар.

Париж, конец января 1925 года.

Жорж Вассер.

Родился 25 января 1891 года в Моон-ан-Тернуа, округ Сен-Поль (Па-де-Кале).

Сын крестьянина Сен-Польского района, поселившегося в окрестностях Бетюна, в горнозаводской местности.

Родившись в набожной семье, я поступил в школу и обращен был в католичество в семилетнем возрасте. Вышел из школы двенадцати с половиной лет, получив свидетельство об окончании школы.

Будучи старшим сыном из одиннадцати детей, я должен был надеть на себя трудовую лямку, и родители сделали из меня шахтера «Горнозаводской Компании Нэ» 4 марта 1904 года.

Это было время, когда шахтеры работали по десять, двенадцать и даже шестнадцать часов в сутки. В 1906 году я вступил в профсоюз шахтеров Па-де-Кале сейчас же после знаменитой катастрофы в Курьере[1]), где погибло 1093 рабочих (10 марта 1905 г.). Через месяц горняки Севернюго департамента и горняки Па-де-Кале начали генеральную стачку за повышение заработной платы, которая закончилась их победой после семи недель забастовки; по возобновлении работ шпик выдал меня,—я патрулировал по ночам, не давая штрейкбрехерам возможности приступить к работе,—меня за-

несли в черный список и постоянно травили, мне пришлось уйти и поступить в шахты Лиевина, где через два года меня уволили за участие в забастовке 1910 г. На этот раз я поехал на рудники Бетюна, где и оставался до 1912 года, когда поступил в полк; после года службы я был произведен в капралы и должен был вскоре демобилизоваться, но наступила война. Как и всем, мне пришлось против воли пойти на войну; я изведал все окопы от Севера до Эльзаса, был произведен в сержанты и получил похвальный отзыв за спасение офицера (который оказался порядочным человеком). Сидя в окопах, я своим молодым умом понял, что такое война, и для чего нас заставляют ухлопывать ближних.

Я хотел переменить обстановку и потребовал, чтобы меня зачислили в авиацию, что и было сделано; но не успел я получить атестата, как меня отослали обратно в пехоту, в виде дисциплинарной меры. Вернувшись в тыл, я был отправлен в школу прапорщиков, и здесь 4 сентября 1917 года был отпущен, как горняк, для работ в шахтах Бетюна. Вернувшись на копи, я немедленно вступил в союз и с января 1918 года сделался секретарем моей секции союза; в ту пору я основал секцию социалистической партии, взял на себя руководство ею, и в мае нас уже насчитывалось сто сорок человек.

В 1919 году я вел пропаганду на муниципальных и законодательных выборах, которые у нас прошли весьма успешно.

В 1920 году, в марте, началась забастовка за повышение заработной платы; оставаясь неизменно на своем боевом посту, я боролся с Бетюнской Горной Компанией; она натравила на меня полицейских, привлекших меня к ответственности за нарушение свободы труда, и это мне стоило восьми дней тюрьмы.

В мае железнодорожники обратились с призывом к горнякам; повинуясь дисциплине, мы действовали заодно с ними (я и сейчас воюю с Бетюнской Горнозаводской Компанией), и меня приговорили к 100 франкам штрафа. В моем лице хозяева хотели нанести удар профсоюзу; когда работы возобновились, меня уволили и бойкотировали все другие компании во всех окрестных предприятиях.

Школа в Бобиньи (близ Парижа). Группа учеников в бараке, служившем помещением для занятий.

В июле 1920 года я стал жертвой автомобильной катастрофы, пролежал шесть месяцев, и 20 декабря, еще не оправившись от ран, был избран муниципальным советником (гласным) Сена в Гогелли. 12 декабря секция раскололась, и член ФСРИ [2]) стал моим конкурентом.

1921 год был годом несчастий; в мае состоялись дополнительные выборы, девять членов ФСРИ не выдержали конкуренции и отказались, и были выбраны девять коммунистов. Меня разделывали на все корки

афиши противников, я отвечал листовками, но члены ФСРИ привлекли меня к суду за дифамацию (оглашение позорящих обстоятельств), хотя это было запрещено Эрнестом Лафоном. Я был приговорен к 100 франкам штрафа и уплате 200 франков убытков, к недельному афишированию приговора и опубликованию его во всех газетах Северного департамента и департамента Па-де-Кале, а также к уплате издержек.

В июле против меня возбудили преследование за антимилитаристскую пропаганду, за то, что я расклеивал афиши и летучки.

В октябре мне нанесли визит полицейские, заставив подписать решение генерала, командовавшего I армейским корпусом; меня разжаловали в солдаты 2 разряда, и, правда, знакомство с этим делом может сослужить мне службу в Красной армии.

В начале года я был членом административного совета Центрального Бюро шахтерских профсоюзов Па-де-Кале, а в конце года я был исключен из союза за то, что был секретарем Совета революционных профсоюзов.

Весь этот год я был членом исполкома коммунистической федерации Па-де-Кале.

Я образовал унитарный профсоюз Сена в Гогелли и на концессии Нэ и сделался секретарем обоих этих профсоюзов.

В феврале 1923 года я находился на своем боевом посту в забастовке и 19 числа был арестован в момент, когда отправлялся на конференцию; меня держали под предварительным арестом четверо суток и временно отпустили на свободу, потому что забастовка кончилась, затем предали суду исправительной полиции. Через неделю меня освободили по заступничеству товарища М. Фалемпена.

Вечно бойкотируемый, я часто голодал. К счастью, бедность не изменила ни моих убеждений, ни темперамента.

В 1924 году я выбран был моими товарищами в департамент Па-де-Кале для несения коммунистического знамени на законодательных выборах. В течение месяца я был заместителем постоянного секретаря предвыборной пропаганды, провел ряд конференций и большей частью выступал против кандидатов ФСРИ, между прочим, против господина Жоржа Дюмулена, при чем наш список получил в среднем свыше 15.000 голосов. После выборов я занялся моим ремеслом землекопа, в две недели до прибытия в Бобиньи [3]) я успел поработать землекопом, каменщиком, штукатуром, а в настоящее время сижу на скамье одной из ленинских школ, где мое сознание быстро проясняется, и я думаю продолжать работу, которой занимаюсь с 1918 года.

Жорж Робело.

Родился 6 мая 1892 г., по профессии мастер карнизных работ.

Родившись от бедных родителей, я воспитывался, как вообще воспитываются дети, родители которых находятся на нижней ступени общественной лестницы.

Отец мой был возчиком; рано оставшись сиротой, он поселился в семье земледельцев. Не имея ремесла до прибытия в Париж, он занялся трудом, в котором больше всего имел познаний: ухаживал за лошадьми. Мать моя была брошюровщица, но после моего рождения она уже не ходила в мастерскую, а брала работу на дом.

До шести лет родители баловали меня; свою бед-

ность они переносили мужественно и не щадили сил, чтобы побаловать ребенка.

Затем я начал ходить в начальную школу. Вышел я из нее тринадцати лет при багаже, состоявшем из свидетельства об окончании школы и рекомендации к Жану-Баптисту Сэю [4]). Я поступил в ремесленные ученики, ибо родители не имели больше возможности содержать меня, особенно после того, как за последние годы семья увеличилась двумя единицами: братом и сестрою.

Отличаясь довольно бурным характером, я почувствовал влечение к физическим упражнениям и поступил в общество военной подготовки. Но здесь оставался только год; гимнастика мне нравилась, но я питал глубокое отвращение к духу дисциплины, который в нас вколачивали. До шестнадцати лет я привлекался спортом, в этом же году меня привлекали требования рабочего класса. В мастерских, где я работал, я заинтересовался спорами рабочих, начал ходить на собрания, слушать ораторов. Во мне проснулся рабочий инстинкт, но в мозгу понятия складывались довольно туманно. Я любил социалистов, но восхищался анархистами.

Наконец, я принял энергичное решение: поступил в профсоюз и примкнул к социалистической молодежи. Я стал читать великих философов; иногда я их плоховато, правда, понимал, но продолжал усердно работать и силился понять. Кант оказал большое влияние на мой ум. Затем у меня был момент сомнения в социализме, и я готов был перейти в анархизм; этого я не сделал потому, что не совсем понимал теорию анархизма.

До 1913 года, когда я был взят в солдаты, я активно работал, но не имел вполне определенной теории. Хотя

я все время вращался в кружках социалистической молодежи, идеология моя еще не сложилась как следует.

Потом наступила война, я склонился перед решением реформистских вождей и отправился на войну «за право». Каждую минуту свободного времени и покоя я использовал для чтения великих философов. Колеблясь между двумя школами, ирреальной и материальной, я еще не нашел своего пути. По окончании войны я одно время надеялся на лучшие времена.

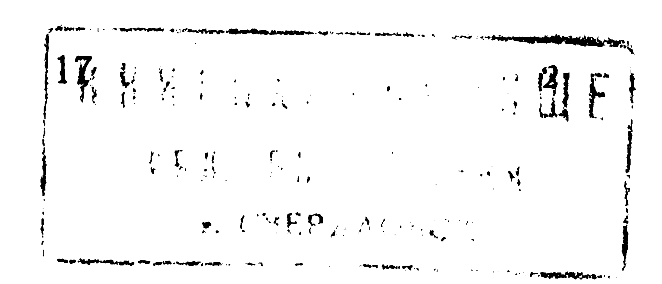
Я принял участие в грандиозной манифестации 1919 года и одно время надеялся, что рабочий класс, наконец, проснется. Я разочаровался. Рабочий класс еще не созрел для своего освобождения. Я восхищался русской революцией и сделался горячим защитником ее.

Германская революция также захватила меня, и я верил, что за нею последует Франция. Обманувшись в этом, я остался изолированным. Я вступил в социалистическую партию, участвовал в собраниях «либертеров», но и там не нашел душевного мира.

После турского [5]) раскола в социалистической партии надежда во мне оживилась.

Ренодели с товарищами были изгнаны из партии, начиналась чистка. Мыслями я окончательно вернулся к русской революции. Третий Интернационал все больше привлекал меня. Я присутствовал на всех собраниях коммунистической партии и на всех собраниях «либертеров» [6]). Я не хотел вступать в партию прежде, чем окончательно проверю свои убеждения.

Наконец, хорошенько обдумав, я 1 января 1921 года, с полным сознанием правоты дела, вступил в коммунистическую партию. Не могу сказать, чтобы я находил ее совершенною, но я видел в этой партии столько последовательного, что считал только ее действительно способной быть партией рабочего класса.

Я горячо боролся в своей секции, усердно читал книги Ленина и его мелкие брошюры, продававшиеся на праздниках и митингах, и моя деятельность была отмечена моими товарищами, назначившими меня в секретари секции. Затем я оставил свой пост на месяц для предвыборной кампании, потому что меня назначили кандидатом в депутаты. Здесь я развил всю свою деятельность по части пропаганды, считая, что нахожусь на своем настоящем боевом посту. По окончании кампании я вернулся на свой секретарский пост, где находился до роспуска секции, до создания заводских ячеек.

Перечислять места, которые я потерял за свою агитацию, было бы излишне, ибо работник создан для борьбы за свою партию, что бы ни случилось.

Состоя в настоящее время учеником ленинской школы, я прилагаю все усилия, чтобы удовлетворить своих учителей, и в будущем надеюсь получить возможность сторицей воздать за жертвы, которые несет для меня партия, давая мне солидное марксистское и ленинское образование.

Огюст Мезанс.

Родился 18 сентября 1892 года в Маделен-ле-Лиль (Северный департамент). Женат, один ребенок (четыре года). Отбывал воинскую повинность во флоте по набору.

Второй ребенок семьи из четырех детей, из которых старший убит на войне.

Мой отец был убит на заводе при катастрофе (раздавлен вагонной рамой). Мне тогда было четырнадцать лет; мать, насколько мне помнится, получала что-то в роде четырнадцати франков в неделю на шесть человек, потому что с нами жил еще дедушка. Во мне

рано проснулось нечто в роде ненависти к буржуям, ибо рядом со мною жили дети директора завода, на котором был убит мой отец, каждое утро выезжавшие в коляске в школу. Мой брат, который старше меня четырьмя годами, был «собственником» нескольких анархических брошюр, которые он получил после смерти отца; отец не хотел, чтобы дети читали (разумеется, даже газеты); должен, однако, сказать, что после его смерти один социалистический оратор произнес речь на его могиле. Но я так и не мог узнать, принадлежал ли когда-нибудь виновник дней моих к социалистической партии. Вот после прочтения этих анархистских брошюр и начала пробуждаться во мне ненависть к буржуазии. В то время мне было около восемнадцати лет. Я начал посещать социалистические и анархистские собрания. Помню, что я часто становился в тупик, ибо и те, и другие хотели преобразовать общество, и я не понимал, каким образом им это удастся при различии их метода. Должен также сказать, что их поступки совсем не соответствовали их словам.

С одной стороны, был социалистический секретарь, занимавшийся попоедством изо дня в день и имевший дочь, игравшую видную роль в религиозных процессиях; а с другой стороны, был анархист, посылавший своего сына готовиться к первому причастию. Надобно сказать, что первый организовал один из первых угольных кооперативов в Лильском районе, в настоящее время объединяющий, по меньшей мере, 1.500 кооператоров. Тем не менее, я слушал тех и других, не присоединяясь ни к той, ни к другой стороне.

В 1912 году состоялись муниципальные выборы. Я услышал нескольких краснобаев из ФСРИ и был прельщен социалистической политикой, которую я

предпочитаю анархистской теории. Но там, где я жил, произошло нечто в роде скандала; утверждали, будто социалисты брали деньги у реакционеров за неучастие в борьбе. Это оказалось правдой,—я в этом убедился впоследствии. Они уверяли, что эти деньги служили им для пропаганды. Думаю, нет необходимости, говорить вам, что пропаганда свободно развивается только во время выборов.

Законодательные выборы 1914 года,—должен сказать, что с этого момента я получил отвращение к социалистической партии, во всяком случае к ее «тузам».

В самом деле, во время противоречивой конференции Энжельс [7]), с одной стороны, выступал, как социалистический кандидат, а Сальветти, с другой стороны, как кандидат реакционеров. Во время спора Сальветти задал Энжельсу следующий вопрос: «Если завтра Франция подвергнется нашествию Германии, будет ли социалистическая партия защищать страну?» И Энжельс ответил: «Мы будем защищать Францию, ибо каждый революционер, какими и мы являемся, любит свою родину». Тут только я отдал себе отчет в характере интернационализма, одушевляющего ФСРИ; когда раздался гром аплодисментов, я понял, что тут только ищут голосов и мандатов.

Наступила война, я об этом не буду распространяться, вы знаете, что происходило. Фраза Энжельса часто вспоминалась мне тогда.

Начала выходить «Волна» [8]), хотя нужно признать: чтобы выпускать эту газету в то время, требовалось известное мужество; тем не менее, газета была слабая, по сравнению с тем, что партия могла сделать.

Кинталь и Циммервальд оживили немного мои надежды, но ненадолго, ибо они не имели продолжения.

В Лилле в 1920 году состоялась манифестация в

честь Жореса, в которой приняло участие, по меньшей мере, 50.000 демонстрантов. Видя собравшуюся толпу, я не мог удержаться от вопроса: как это партия не могла занять более энергичной позиции в августе 1914 года? И я понял, что манифестация—фальшь. И в самом деле, среди многочисленных красных знамен, фигурировавших в процессии, я видел наших социалистических депутатов Севера, которые вместе с другими лицами были опоясаны трехцветными шарфами! Надо сознаться, странный контраст.

Только в самом конце демонстрации группа приблизительно из трехсот товарищей начала кричать: «Долой войну! Долой социал-патриотов!» И, если я не ошибаюсь, во главе этой группы находился Делурм, ныне коммунистический депутат.

Все же я предпочел выждать некоторое время и лишь потом принял участие в этой группе. Начались приготовления к Турскому конгрессу [5]). В Северном департаменте издавалась газета «Крик Севера». Социалистическая партия начала в этом журнале спор между сторонниками II Интернационала и сторонниками III Интернационала.

Такое отношение к делу я вначале не разделял, ибо полагал, что подобные споры должны вестись внутри организации, а не перед общественным мнением, как это делалось.

Турский конгресс окончательно открыл мне глаза на революционность некоторых членов ФСРИ и, в частности, социалистов Севера, которые хотя и были разбиты в областном и национальном масштабе, не поколебались, однако, продолжать свои старые приемы создания раскола.

Различные съезды, происходившие впоследствии, открыли мне глаза на некоторые элементы, присоединив-

шиеся к III Интернационалу на словах, и считавшие что устав — «клочки бумаги», если можно так выразиться.

И тогда-то на одной публичной конференции, устроенной Порреем (в настоящее время секретарем Северного союза унитарных профсоюзов), этот последний предложил мне публично задать ему вопросы. Ответив на них в конце собрания, он отвел меня в сторону и дал понять, что хотя некоторые из моих вопросов были правильны, но один я ничего не могу сделать, и он советует мне вступить в коммунистическую партию. Это было в январе 1923 года.

Лилльская секция разделилась на местные комитеты (что незаконно); тем не менее, через два месяца меня заставили принять пост секретаря комитета Старого Лилля, после этого я был сделан членом административной комиссии, и, наконец, через восемь месяцев меня поставили на секретарский пост Лилльской секции.

Эта секция месяца два назад распущена и организована на основе ячеек.

В настоящее время я состою временным членом руководящего федерального комитета Севера.

Принадлежу к профсоюзу служащих, как экспедитор в фирме специальных отправок.

Жорж Багран.

Я родился 24 октября 1893 года в Париже.

Отец мой работал на бойнях, там же состоял в профсоюзе. Я рос в рабочем квартале и достиг рабочего возраста.

Меня воспитывали в духе, враждебном религии, хотя мать моего отца была верующей и была бы счастлива,

если бы мы ходили в церковь. Окончив школу, я начал работать.

Я был отправлен на бойни Ла Виллета [9]) и испытал на себе дурное влияние этой среды не в смысле поведения, но идеологически.

Эта корпорация требует специального изучения; я рос, не подвергаясь алкогольной заразе, причиняющей столько бедствий большинству рабочих.

В настоящее время рабочие пьют мало, по разным причинам, из которых главная: заработки им этого не позволяют.

Перед поступлением в полк я иногда посещал политические собрания и демонстрации, но не состоял ни в партии, ни в профсоюзе; у меня были близкие товарищи в союзе молодежи и в спортивных группах.

До войны я имел случай присутствовать на больших демонстрациях в Пре-Сен-Жерве [9]), где г. Самба делился с нами впечатлениями о Германии.

Все эти движения, в которых я принимал участие, не понимая их, сыграли большую роль в моей жизни.

Я был отправлен в полк, и сначала был зачислен в 152-й пехотный полк в Вогезах, где оставался около пяти месяцев, потом меня переслали в 72-й пехотный полк в Амьен. Эти несколько месяцев пролетели быстро, и наступила война.

Мы отправились в Бельгию, но отступили до Марны, и я был взят в плен, не будучи ранен.

Отправленный в Баварию, в лагерь Графенвер, я находился там с сентября 1914 года по апрель 1915 г.; лагерная жизнь не всегда была весела. У всех нас было впечатление, что война продлится недолго: максимум 75 дней. И поэтому мы всячески старались не слишком страдать.

В начале 1915 года я был отослан с сотнею других

товарищей на угольные копи «Die Braunkohlen-Industrie», расположенные в Вакерсдорфе рядом с Швандорфом, хорошеньким городком на берегах Наба, притока Дуная. Здесь, не имея профессии, я записался «кузнецом» с одним парижским товарищем, который был кузнецом по профессии.

Я не хотел работать по добыче угля, а предпочитал заниматься кузнечной работой, так как это мне давало возможность быть в компании товарищей. С нами было двое немцев—один «окопавшийся» от войны, а другой молодой, которому отрезали ногу у Арраса; это был славный товарищ.

Через месяц после нашего прибытия в Вакерсдорф нам выстроили огромную казарму, где и поселили нас, в числе трехсот человек. Нижний этаж разделили на несколько частей: одна служила столовой и церковью по воскресеньям; прежде чем казармы заселить, их освятили; при этом присутствовали все заправилы предприятия.

Лично я знал, что будут служить обедню, и уведомил об этом моих товарищей, с которыми мы решили не присутствовать на ней. Нам роздали мыло и ваксу, чтобы мы почистились. Обер-лейтенант пригрозил наказать всех, кто не явится на богослужение. Из нас семь человек заупрямились и отказались итти в церковь.

В наказание нас заставили во время обедни чистить картофель для других пленных.

Окончив богослужение, поп пожелал увидеть упрямцев, ибо для него, как я теперь понимаю, было победой, что почти все французы присутствовали на его «освятительной» обедне. Он задал нам много вопросов, добиваясь узнать, почему мы отказались присутствовать на обедне.

Должен признаться, что я был, кажется, в числе затеявших спор, не очень убедительный, но вежливый.

Я не разделял его воззрений, он мне казался подозрительным, однако, я ему внушил, повидимому, уважение, и он мне принес книг, обещав себе сделать из меня доброго католика.

Он заставил меня прочесть евангелие, потом книжку, написанную по-немецки,—«Жизнь Пия X» и всякого рода другие книжицы. Среди французских товарищей нашлись верующие, с которыми я часто вел беседы, и в этих беседах всегда становился на гуманитарную точку зрения; впрочем, я понимал религию только с этой стороны, по крайней мере, в тот момент; теперь я знаю, что религия—ложь, и у нас имеется этому достаточно доказательств.

С этого времени я начал понимать вещи и лучше в них разбираться; я усердно занялся изучением немецкого языка и мог уже беседовать с местными рабочими.

Эта часть Баварии очень набожна, и рабочие ее усердно посещают церковь. В особенности меня поразило, когда меня привели на фабрику, сравнительно ничтожное жалованье в 0,25 пфенига, которое мы получали за целый день работы. При нашем прибытии фабрика имела крайне разрушенное оборудование; к моему отъезду, в конце 1917 года, произошла полная перемена, и затевалась уже постройка завода химических продуктов, которые немцы собирались извлекать из каменного угля (гудрон и т. п.). Я приведу один пример, чтобы дать вам представление о быстроте капиталистической эволюции: мосты, которые служили для поднятия извлеченного угля на верх завода, были примитивно сделаны из дерева; через год они были переделаны в железные. Я жил довольно счастливо в этом месте, и только мой нрав причинял мне иногда

неприятности; я задумал бежать с двумя другими товарищами, основательно изучил топографию южной Германии и мог уже хорошо объясняться по-немецки. Мы рискнули, в течение десяти дней прошли двести восемьдесят километров и были пойманы почти в сорока километрах от цели.

Нас наказали, и с этого дня я находился в постоянном подозрении у фельдфебеля, который всячески старался избавиться от меня. Меня отослали в лагерь, а оттуда я был отправлен к сапожнику в небольшой городок Неймарк; стремясь к свободе, я теперь был в восхищении: я пользовался значительной свободой, мог совершенствоваться в немецком языке и работал как для себя, потому что мой хозяин был славный человек, зарабатывавший благодаря войне много денег и только о том и мечтавший, чтобы она как можно дольше длилась.

При нас—нас было трое военнопленных на его службе—он, как и мы, говорил, что следовало бы все это прекратить, но думал он только о том, чтобы увеличить свое состояние.

В течение недели не случилось ничего интересного, если не считать того, что меня рассчитали после спора, который я затеял с солдатами, сторожившими нас.

Мы услышали о русской революции, как только об этом появились известия в местных газетах, маленьких правительственных и католических листках, в которых я ничего не мог понять.

Меня направили в Нюрнберг на большую обувную фабрику; в этой среде мой темперамент получил удовлетворение: я вступил в непосредственное общение с рабочими, читал независимую газету «Frankische Tagespost»; из нее можно было понять, что положение Германии становилось критическим.

Я часто беседовал с немецкими товарищами, членами партии независимцев, и видел, какую жалкую жизнь им приходится вести.

Наступил великий день; всю свою жизнь я буду помнить субботу 9 ноября; во всех цехах фабрики раздавались листовки, приглашавшие рабочих всех корпораций остановить машины в девять часов и к десяти часам группами собраться на остров Шутт. Тотчас же были организованы заводские комитеты, весь гарнизон стал на сторону рабочих. Генерал, командовавший районом, был заменем д-ром Брауном и Зюсгеймом,— этот последний был адвокат. Я имел случай быть у них для предъявления от имени пленных рабочих требования об уплате им такого же жалованья и предоставлении им такой же свободы, как штатским рабочим; мы добились удовлетворения.

Должен сознаться, что на меня сильно повлияли эти моменты, и я надеялся, что германская революция будет развиваться нормально вплоть до полной диктатуры пролетариата.

Все мои товарищи стали собираться во Францию; я же решил остаться в Германии, и первым моим делом было разыскать одного из моих бессемейных товарищей парижского района, с которым я познакомился в Неймарке; он там работал пекарем; узнав, что он находится в Эрлангене, я отправился туда и со скорбью узнал, что он заболел тифом, свирепствовавшим во всех лагерях.

Через несколько дней он умер, и я увидел лишь его могилу на кладбище.

Я оставался в Нюрнберге приблизительно до половины января бессильным свидетелем измены социал-демократов, которые спекулировали на безработице, созданной недостатком сырья вследствие тяжелого эко-

номического положения, оставленного капиталистическим режимом. И так как социал-демократия была явно буржуазно настроена, то на первых выборах она вела кампанию за уничтожение заводских и военных советов, т.-е. за буквальное выполнение инструкции генерала Фоша.

Должен сказать два слова о том, как меня опечалило убийство Курта Эйснера, Либкнехта и Розы Люксембург; с несколькими товарищами, у которых я бывал, я в этом усмотрел поражение рабочего класса.

Большевистской партии в Германии не было; Толлеру, Левину и другим товарищам не удалось связаться с Бела-Куном и учредить советскую республику в Центральной Европе. Если бы это удалось, какой огромный шаг вперед сделал бы пролетариат!

По тому, чему я учусь теперь, видно, какая подготовка была необходима, чтобы добиться такого результата.

Лично я был всецело за революцию и хорошо понимал роль, которую должен был играть пролетариат, чтобы провести свою революцию.

В июне 1919 года я вернулся во Францию, несмотря на предостережения нескольких товарищей, предупреждавших меня, в каком настроении я застану родину, и указывавших, что мне придется отвечать за незаконное отсутствие в течение девяти месяцев по прекращении военных действий. Я их не послушался и вернулся.

По приезде во Францию я был арестован в Понтарлье за незаконное отсутствие и отправлен в Безансон, где шли приготовления к великому июньскому движению 1919 года. Питаясь изредка газетами, проникавшими в нашу тюрьму, мы полагали, что находимся накануне больших перемен, ибо значительная часть

войск не была демобилизована, и среди них царило сильное недовольство.

Измена вождей рабочего движения лишний раз показала нам, что мы еще не достигли необходимого революционного уровня, для масс слишком рано прекратилась война, и они были загипнотизированы обещаниями буржуазии.

Меня переслали в Амьен, где судили военным судом, но оправдали.

Сидя в военной тюрьме, я видел, в каком ужасном положении находятся ее узники, и знал: они надеются, что рабочий класс сумеет вырвать их у буржуазии и освободить.

После освобождения я решил немедля вступить в политическую партию, наиболее близкую моей идеологии. Я был освобожден в конце сентября 1919 года и вступил в партию, приняв участие в выборах 1919 года. Я не замедлил убедиться, что партия далека от моего идеала, особенно после всего, чего я насмотрелся за последние годы моего пребывания в Германии.

Некоторые члены нашей секции были весьма воинственно настроены; их социализм кончался на границе. Я же был по преимуществу интернационалистом. Чего я ни насмотрелся, прежде чем решил высказаться за или против 21 условия Москвы.

За этой первой битвой последовали другие, все более жестокие; я сперва вошел в профсоюз обувщиков, которым управлял Ру,—тот самый, который в настоящее время составляет вместе с «анарами» [11]) доклады о зверствах, учиняемых советами над политическими арестантами.

Я принял деятельное участие в большой забастовке 1920 года в торговом доме Монте; меня уволили, и я вернулся на работу в бойнях, где вступил в профсоюз;

там я вел борьбу и организовал первое движение, в котором мы добились полного удовлетворения наших требований. Мы заняли позицию за Унитарную Генеральную Конфедерацию Труда.

Через год после этого вновь было предъявлено то же требование, и рабочие были разбиты. Я был уволен и не находил больше новой работы. В то время я принадлежал к секции Брюнуа и был в ней секретарем в течение шести месяцев.

Обстоятельства жизни привели меня к моей первой секции в Пре-Сен-Жерве, на бойнях, и так как возникли некоторые проблемы, то я занялся здесь активной работой.

Синдикат боенских рабочих принял решение перейти к автономии; мы сделали все возможное в борьбе с этой затеей; мы победили, склонили большинство к Профинтерну и к восстановлению промышленного синдиката (профсоюза), который разрушен уже вот полтора года, но начнет нормальную работу в январе 1925 года; это была первая цель наших стремлений.

Во-вторых, нужно было создать комитет пролетарской организации, который не замедлит успешно организоваться.

Наконец, остается еще одна цель—внушить рабочим массам боенского района другой взгляд на вопрос о промышленных бойнях [12]). Должен сказать, что мы уже исправили свою позицию в этом отношении, ибо мы слишком долго рассматривали этот вопрос под чисто-реформистским уклоном.

После моего вступления в секретариат синдиката (профсоюза) этот вопрос был мною развит обстоятельно, как и следовало коммунисту. Впрочем, образование, получаемое мною в ленинской школе, позволит мне в очень скором времени сделать об этом

письменный доклад и провести целый ряд конференций с моими товарищами по союзу, дав им понять нашу точку зрения; и я надеюсь, что это окажет большую услугу поступательному движению пролетариата.

Морис Ог.

Профессия: корректор. Родился в Леваллуа-Перре (департамент Сены) 22 февраля 1893 г. Женат, одна дочь.

Школа в Бобиньи. Группа учеников из Парижа и его окрестностей.

Воспитанный в мелкобуржуазной семье, я провел в ней детство до шестнадцати лет. Я получил светское воспитание, так как мои родители были неверующими, что не мешало им признавать всякие убеждения, «лишь

бы они были искренними»; в возрасте семи лет меня, однако, крестили в «протестантскую» веру, по настоянию умиравшей бабушки.

Получив начальное образование в коммунальной школе, где мой отец был учителем (в Леваллуа-Перре), затем пройдя первую часть курса средней школы (первый цикл) в колледже Шанталя, я поступил во флот, законтрактовавшись на семь лет. Вначале я два года служил юнгой, а затем начал проходить курс электричества, чтобы получить аттестат минометчика. Уволенный в мае 1914 года до срока, благодаря полученной ране, я по возвращении из Индо-Китая «добровольно» поступил (через три месяца после объявления войны) не во флот, где мне следовало возобновить контракт (на пять лет), но в сухопутную армию.

Одержимый самым пылким патриотизмом, я верил в «войну за право»[13]), верил добросовестно и продолжал верить в течение всей войны, согласившись покинуть фронт только для того, чтобы слушать офицерские курсы в школе Фонтенбло в августе 1918 года. Оттуда я вышел сержантом, оставив школу, как только было заключено перемирие; при всем своем патриотизме я в глубине души не был милитаристом, и хотя получил военный чин (вахмистра), но только из патриотизма принимал дисциплину и подчинение властям.

Выйдя из школы Фонтенбло, я, перед тем как вступить в армейскую часть, женился, и в июле 1919 года был демобилизован со всеми иллюзиями бойца, кототому вскоре предстоит увидеть плоды «своей» победы. Три месяца спустя я голосовал за национальный блок... несмотря на давление, которое на меня оказывал мой молодой брат, уже боровшийся в рядах коммунистической молодежи и раскрывший мне глаза на характер «моей» победы.

Через несколько месяцев, в начале 1920 года, борясь с житейскими невзгодами в специальности торгового посредника и не находясь уже под влиянием брата, потому что мы жили не вместе, я, однако, стал читать «Progrès Civique» и понимать всю пустоту моих предубеждений как насчет рабочих, так и относительно русской революции. В этом же году я с интересом следил за большими стачками, и 1 мая находился на Восточном вокзале, где Жуо под охраной полиции уговаривал нас разойтись по домам.

Хотя я был еще неразвит, но эти события тем более меня поразили, что торговый кризис 1920 года заставил меня покинуть свое занятие коммерческого посредника, и я загорелся желанием борьбы. Я начал посещать митинги и, между прочим, присутствовал на митинге, устроенном в это время Себастьяном Фором и Жоржем Пиошем в Гранж-о-Белле по вопросу о необходимости диктатуры пролетариата; эти митинги показали мне путь к организации. Тогда же я примкнул к революционному движению и в феврале 1921 года вступил в РАББ [14]).

В то время, кипя душою, я искал в идеализме успокоения моим смятенным чувствам, и можно сказать, что чем больше человек заглушает свой эгоизм, тем более он чувствует истину коммунизма. Так как анархия возможна лишь при полном совершенстве человека, то коммунизм является тем, к чему мир неизбежно придет. Чтобы быть коммунистом, нужно любить человечество больше себя самого, не оставлять места частным привязанностям, из чего вытекает забвение личной семьи для единственной семьи—человечества. Моральное и материальное равенство с течением времени приведет к физическому и умственному равенству.

Коммунизм предполагает индивидуальную свободу

только для всех. Равенство может быть абсолютным только при коммунизме, оно неизбежно создаст универсальный язык с уничтожением понятия «я» и естественно оставит одно наименование: «ты» или «вы».

В коммунистическом обществе гордости будет так же мало места, как и жалости.

Потом другие мысли завершили мою «индивидуальную революцию», но не на анархистский манер! Однако, я оставался вне партии; идеализм еще владел мною, ибо я оставался абстрактным антимилитаристом, не допуская революционной армии,—я был пацифистом.

Благодаря контакту с партийными товарищами, а затем чтению различных книжек: «Предшественники» Ромен Ролана, «Свет из пропасти», «Нож в зубах» Барбюсса и т. п., я понял свою ошибку, и в конце **1921** года, когда закончилась большая дискуссия о едином фронте, вступил в партию. В моей секции (10) я оказался в небольшой группе товарищей против разнузданного большинства, которым руководили Верт и Д. Рену; мы оставались в оппозиции им до Парижского съезда с участием левой.

Я вел борьбу и вне партии и поплатился службой за пропаганду, которую вел у Дрейера (типография), затем на электро-металлургическом заводе в качестве технического агента, где я встал во главе движения, когда дирекция отменила закон о восьмичасовом дне. Дирекция заставила меня уйти со службы, и тогда я занялся корректурой и вступил в профсоюз.

В **1923** году, работая по ночам, я после выпрямления линии движения РАББ на Клермон-Ферранском конгрессе усердно отдался движению и вместе с Жаком Дюкло был приглашен к редактированию «Antiguerrier» («Антимилитарист»); до июня **1924** года мы старались сделать из него пропагандистский орган ознакомления

с практическим антимилитаризмом, и в этой работе я понемногу начал понимать марксизм, изучая его в то же время по различным книгам, в особенности по «Капиталу» Девилля.

Состоя в течение нескольких месяцев секретарем моей секции и уже не работая по ночам, я был на выборах выставлен кандидатом в первый сектор и вел там кампанию за революционизирование движения; после этого мне пришлось работать ночью, я уже не могу вести активной борьбы, но счастлив, что прохожу курс в школе, куда я поступил с целью найти более прочную основу для марксизма, который позволит мне, поняв ленинизм, большевизироваться.

Анри Даргес.

Родился в Роош Варенене 28 августа 1894 года (округ Дуэ) в рабочей семье. Отец мой—шахтер, мать—домашняя хозяйка, имела семерых детей, из которых трое умерло. Излишне говорить, что в то время мой отец, работая на копях, получал до смешного ничтожную плату, при которой мы могли только терпеть лишения. Я всегда его помню состоящим в союзе, но мне неизвестно, состоял ли он в какой-нибудь политической партии.

Шести лет я начал ходить в коммунальную школу и посещал ее до двенадцати лет; свидетельство об окончании школы позволило мне получить рабочую книжку и тотчас же поступить на работу. Стало-быть, с двенадцати лет я уже находился под игом хозяев. Я начал работать на лесопильном заводе у Боса в Ренбокуре, где нас заставляли пилить части ящиков и платили нам столько, чтобы в две недели получалось ровно восемь франков за десять ча-

сов ежедневного труда; это составляло пятьдесят сантимов в сутки.

В виду этой ничтожной платы, отец взял меня с работы, и я поступил на эмалировочный завод в Раше за полтора франка в сутки. Мне приходилось работать одну неделю по ночам, одну неделю днем, потому что я состоял при печах. Там я проработал три месяца, переутомился и заболел, едва не лишившись жизни.

После этого, как только мне исполнилось тринадцать лет, я поступил в шахтеры, где работал до шестнадцати лет за 2,10 франка в сутки. Должен заметить, что за пустяки нас то-и-дело штрафовали. Каждые две недели можно было смело рассчитывать на два франка штрафа, в большинстве случаев неизвестно за что. В шестнадцать лет я начал работать на поверхности; плату немножко повысили, я получал уже 9 франков в сутки и каждые полгода прибавку в 25 сантимов. Но труд был гораздо тяжелее, и обращение гораздо грубее. Я даже вынужден был покинуть горнозаводскую компанию Эскарпелле, став жертвой грубияна шахтного старосты, взъевшегося на меня неизвестно за что. Потом, в возрасте восемнадцати лет, я поступил на шахты Анишской компании, здесь эксплоатация была еще грубей; нам пришлось выдержать целый ряд местных и частичных забастовок, давших мне случай вступить в профсоюз горняков Севера, секретарем которого был Кентен. В ту пору этот профсоюз был автономен, и мне неизвестно за ним ни одного серьезного движения. Затем, в возрасте двадцати лет, я был подвергнут переосвидетельствованию ревизионным советом и в марте 1914 года получил отсрочку по слабости здоровья. Это неудивительно, если вспомнить гнусную эксплоатацию, которой я подвергался с двенадцати лет. Эта отсрочка позво-

лила мне оставаться во время войны в районе, подвергшемся нашествию. Как гражданский пленный, я должен был заниматься своим ремеслом до конца войны.

Управление копями осталось в руках французских магнатов. Нужно было видеть, с каким неослабным усердием все эти господа усиливали производство, эксплоатируя рабочих; управляющий шахтами и германские власти отлично сговаривались между собой, как мошенники на ярмарке. Сколько товарищей выданных комендатуре чиновниками Анишских копей, как ненадежные или не желающие работать, были отправлены на фронт рыть окопы! Я помню, как шахта, в которой я работал, забастовала в 1916 году, добибиваясь немного больше продовольствия. Забастовка продолжалась ровно два дня. Всех рабочих заставили по списку пройти перед несколькими германскими офицерами и подписать бумагу, в которой значилось имя и стояли два слова «да» или «нет»,—хотят или не хотят работать. Все шахтеры, испугавшись этой угрозы, подписали «да». Нас осталось только пять человек, подписавших «нет». За эту дерзость нас заперли на двадцать четыре часа в погреб, где вода была до лодыжек, и морили потом голодом. Через двадцать четыре часа возобновили требование («да» или «нет»). Несколько товарищей, пав духом, измученные голодом, сдались. что заставило и всех пятерых сдаться, так как уже все шахтеры приступили к работе. Но я всегда буду помнить слова германского коменданта, который, вернувшись к нам, сказал: «Несмотря на всю ненависть, которую я питаю к вам пятерым, я не могу не удивляться вашему мужеству; товарищи, которые вас покинули, трусы!» (приведено буквально). Потом нас освободили, и наутро мы возобновили работы.

Я тотчас же подвергся лицемерным репрессиям Анишской горнозаводской компании, которая посадила меня на трудную работу за нищенское вознаграждение. Было бы слишком долго рассказывать о преследованиях, предметом которых я сделался со стороны некоего Мельвиля Франсуа, начальника шахты Де-Жарден, заядлого клеврета хозяев, жизнь которого, главным образом, проходила в том, что он боролся с активными синдикалистами, членами профсоюзов и членами политических партий. Потом меня эвакуировали в Бельгию; девять месяцев я провел в этой стране и после перемирия вернулся во Францию, где мы долго оставались без работы, потому что вся промышленная жизнь была расстроена. После этого я три месяца прослужил в 24-м драгунском полку в Динане, в Бретани, где меня посадили на неделю в тюрьму за то, что я плохо мирился с дисциплиной. Один дрянной адъютантик, гнусную физиономию которого как сейчас вижу перед собой, хотел во что бы то ни стало посадить меня на лошадь, хотя бедра мои были в ссадинах. Я отказался от этого (восемь дней тюрьмы). Это дало мне возможность выздороветь. По возвращении из полка я поступил на службу Анишской горнозаводской компании и назначен был работать в шахту Де-Жарден. Но главный начальник шахты (Мельвиль) не хотел принять меня и дал мне наряд на шахту Бернар, где я работаю и по сей день. В то же время я снова вступил в профсоюз, который теперь вошел в федерацию подземных работников и Генеральную Конфедерацию Труда. Таким образом, я не вел активной борьбы до забастовки 1920 года, когда меня едва не уволили за то, что я не подпускал к шахтному колодцу товарищей, желавших работать. Под разными предлогами меня постоянно штрафовали, и даже, когда

я женился, Анишская компания не хотела мне дать дома для жилья, как другим шахтерам. Мне пришлось в течение года снимать квартиру у делегата-шахтера, в избрании которого я принимал деятельное участие. В ту пору приходилось бороться с несколькими кандидатами, которые нарушили профсоюзную дисциплину, став в оппозицию товарищу Порану при соучастии Кентена. Тут-то я хорошо понял предательство всех этих господ. Но в то время мы старались ничего им не говорит в виду того, что раскола еще не было. Потом состоялся Лилльский конгресс [15]), где произошел раскол. Тотчас же, соединившись с товарищем Пораном, у которого я продолжал квартировать, я созвал совет секции и мы решили перейти в Унитарную Генеральную Конфедерацию Труда. После того, как мы об этом объявили, секретарь секции покинул зал с некоторыми товарищами, членами совета секции. Остался секретарь (Моннэ, Жан-Батист) и Таке Рише, которые продолжали отбирать карточки Генеральной Конфедерации Труда. Нужно было бороться с их влиянием словом и письмом. Когда собралась секция, мы разоблачали предательство реформистов и добились того, что почти вся секция, состоявшая из 500 членов, перешла к нам, а с реформистами осталось всего сорок человек.

До этого я не принадлежал ни к какой политической партии и только в течение года принадлежал к секции Вазьера (Север). Но секция Фрэ-Маруа разлагалась, потому что ее секретарь совершенно запустил свои обязанности; несколько товарищей пришли просить меня взять руководство секцией; устроив собрание, они выбрали меня секретарем, которым я и был до настоящего момента,—до образования здесь ячейки Бернара. При всем том должен сказать, что наша пропаганда велась исключительно на профсоюзной почве.

Я принимал деятельное участие в забастовке 16 февраля 1923 года и впервые взял слово на собраниях. После этого я уже не знал передышки. Товарищ Монио предложил мне войти в комитет пропаганды унитарного профсоюза шахт Севера. Я согласился и после этого каждое воскресенье понемногу участвовал на собраниях повсюду. Должен отметить, что мы наиболее активно работали во время забастовки 15 ноября 1923 года.

Затем я был избран членом исполнительного комитета федерации (Север, Па-де-Кале) коммунистической партии, в которой до сих пор еще не принимал активного участия.

Надеюсь по возвращении туда посвятить ей все мои силы.

Морис Гарэй.

Родился в Париже 14 декабря 1894 г.

Женат, один ребенок.

Профессия—бухгалтер.

Мой отец—железнодорожный служащий.

До пятнадцати лет в школе. Получил мелкобуржуазное воспитание от мелкобуржуазных учителей или воспитателей. В довершение всего—аттестат начальной школы, удостоверяющий, что я знаю подпрефектуры, год смерти Людовика XIV, что два и два составляют четыре, и т. п.

Затем жизнь, тяжелая и горькая, молодого служащего, по необходимости исполняющего обязанности прислуги, которого учат «на бухгалтера», заставляя наклеивать марки и разносить товары.

Эта жизнь тянулась два года. Семнадцати лет я бросил эту лавочку и поступил во французское отделение Берлинской всеобщей компании электричества «Лампы

Осрам». Здесь я находился в постоянных сношениях с немцем Карлом Штадманом, который растолковал мне наш общественный строй и наглядно показал различия, отделяющие классы.

Я читал книжки по социологии, от Жореса до Менара, читал Делиньера, Поля Луи, Мишле, Руссо.

Читал я беспорядочно, бессистемно, глотал массу вещей, от которых на другой день в голове не оставалось ничего, кроме моих разговоров с Штадманом.

Время-от-времени следил за течениями моей эпохи. Восторгался речами Жореса. Слушал прения ораторов, оставившие, впрочем, как и чтение, очень мало следов в моем уме.

Я видел у себя бедность, у моих хозяев богатство, видел их презрение к рабочему классу, но не видел, кто или что может изменить это.

Наступила война; я вступил в 1-й полк алжирских зуавов [16]). Через некоторое время мы отправились добровольно вербовать алжирцев в «охотники», они записывались «добровольно», т.-е. под выстрелы ружей или пулеметов. Глубокое отвращение, ненависть. Воюя, я анализирую войну. Я ранен, переменил род оружия, направлен в артиллерию.

Продолжаю исследовать войну, пытаясь просветить, пробудить сознание солдат.

Оно пробудилось в 1917 году. Тогда я, наконец, поверил в людей. Увы!—это было самопроизвольное пробуждение, без директив, и измена была несомненна.

Целые взбунтовавшиеся дивизии, солдаты, все ждущие и ждущие и не знающие, чего они ждут.

41-я дивизия, в которой я находился, направилась в Тардену а, центр восстания.

Затем—репрессии, военно-полевой суд, Африка. Потом шесть месяцев до снятия кары. Возвращение на

фронт, конец слишком прекрасного сна, оставившего во мне глубокую ненависть к буржуазному обществу. Война, наконец, окончилась.

Я искал глазами вокруг себя, видел все тех же людей, тот же эгоизм, тех, которых обманули и которые продолжали даваться в обман.

У социалистической партии оставалось то же лицо. Но была Россия,—она проделала свою революцию. Я уверовал в нее и стал ждать нашей. Она не пришла. Я обосновался в Валансе (департамент Дром) и там участвовал в забастовках 1919 и 1920 года. Как сейчас вижу женщину в Семаре [17]), вскрывающую ящики с консервами,—ее муж был уволен, а жить было нужно; рабочие Валанса открыли в предместье отделение кооператива.

Я вернулся в Париж,—там произошли перемены. Тур разделил предателей, тех, у которых еще были закрыты глаза, и тех, кто уже возмущался военным социализмом, устремив глаза на Россию и клеймя презрением обманутого пролетариата агентов буржуазии. Я не мог оставаться нейтральным. Я видел перед собой свое детство, войну. Я чувствовал, что коммунизм представляет для меня единственную организацию, могущую сгруппировались все революционные силы не для того, чтобы их отвести в безопасное русло от революционного действия, но, напротив, чтобы бросить их в атаку против буржуазии.

Так я вступил в коммунистическую партию, зная, что вхожу в нее не по капризу настроения, но после слишком долгих, может-быть, дум, все обстоятельно взвесив и решив в случае надобности принести себя в жертву.

После этого коммунистическая партия еще в большей степени стала отвечать моим стремлениям. Она дисциплинирована, она поняла, что должна вооружить железной волей и готовностью всех своих сторонников,

Только эта дисциплина, только это свободное подчинение сверху донизу и обратно создаст солидное орудие, тот таран, который сокрушит ворота, охраняющие нынешнюю буржуазиюю.

Вначале я был бунтовщиком.

Я пытаюсь сделаться революционером.

Марсель Фаррэ.

Родился 5 апреля 1895 года в Деказвиле (Авейрон).

Воспитанный в синдикалистской и социалистической среде,—мой отец был казначеем в бюскалийской секции и профсоюза горняков,—я в молодости всегда более или менее участвовал в боях, которые рабочий класс вел против хозяев этой страны,—боях иногда весьма жестоких.

Я посещал школу до пятнадцати лет, затем оставил школу и поступил на работу в компанию Коментри-Фуршамбо Деказвиль; я немедленно вступил в синдикат горняков, но мне недолго пришлось в нем оставаться. Однажды меня застал за расклеиванием афиш партии ФСРИ инженер компании, которому я был подчинен; он мне ничего не сказал, но через две недели меня рассчитали. Что делать? Я был уже «замечен». Я решил поехать в Париж и сделаться металлистом. Таким образом, я состою в профсоюзе металлистов. Кроме этого случая, я почти не работал, по крайней мере, активно, хотя состоял усердным читателем «Юманите» и не раз бывал увольняем за свои революционные взгляды.

Наступила война. В глубине души я ждал, что произойдет что-нибудь серьезное после убийства Жореса; я полагал, что рабочий класс возмутиться против такой гнусности, как война, но был жестоко разочарован и

усомнился в социалистической партии, когда увидел, что она не смеет взять на себя ответственность в этом деле. Я был призван на службу и должен был отправиться защищать отечество. Это мне не очень улыбалось. Я был отправлен в Перпиньян, в 53-й пехотный полк, откуда меня послали в Восточную армию; я и без того не был патриотом, но после двух месяцев, проведенных в полку, стал совершенным антимилитаристом. Наконец, будучи ранен в Дарданеллах[18]) 21 июня 1915 года, я вернулся во Францию; меня отправили в восточную армию, и там в 1917 году я принял участие в бунте, начавшемся из-за пустяков и не имевшем под собой никакой политической подкладки.

После того, как было подписано перемирие, меня отправили в Одессу вместе с оккупационным корпусом для поддержки контр-революционной армии Деникина. Там через два дня по прибытии я присутствовал при казни, по распоряжению генерала Буэна (об этом было напечатано в «Юманите») русских товарищей, пойманных на раздаче прокламаций. Это вызвало во мне омерзение; мужество этих товарищей показало мне, что такое настоящий революционер. Между прочим, должен добавить, что ни один солдат из находившихся в России не хотел наступать на большевиков.

Там, в Одессе, я вошел в сношения с некоторыми революционными элементами и вскоре после этого участвовал в их собрании; несмотря на слежку, мне всегда удавалось укрыться от полиции; именно благодаря всем этим фактам я сделался коммунистом и понял, что такое классовая борьба.

После семи месяцев пребывания в Одессе я возвратился во Францию, рассчитывая застать иную атмосферу, чем царившая раньше; в этом я опять ошибся.

Наконец, я вступил в коммунистическую партию, а также в профсоюз авиаторов (1 марта 1922 года); через несколько месяцев после этого меня рассчитала компания счетчиков за то, что я организовал заводский совет и отказался платить налог с заработной платы. Тогда я поступил на завод Ситроэн; спустя четыре месяца вспыхнула забастовка, я вошел в стачечный комитет, и когда забастовка провалилась, я опять был уволен; я поступил на завод Ситроэн, в его новый гараж, и был опять уволен из-за 1-го мая.

Тогда я поступил на завод S. E. V., где организовал ячейку; здесь, опять подвергнувшись преследованиям, я переменил имя, и мне удалось вновь поступить к Ситроэну, где я сделался секретарем ячейки (в промежутке я организовал секцию РАББ в Кламаре, которой был секретарем); и здесь партия направила меня в центральную ленинскую школу, где я нахожусь поныне.

Вот каким образом и вследствие каких обстоятельств я вступил в коммунистическую партию и горжусь, что служу ей в меру моих слабых сил.

Жюль Фарюсан.

Мой отец—кожевник, родившийся в Эро, работает в Монпелье, где он женился на дочери мелких собственников департ. Авейрона. Промышленный кризис привел его в Мильо, где я родился.

Было очень печально, так как мать постоянно болела. Отец, возмущенный жизнью в постоянной эксплоатации и нищете, проявлял свое недовольство дома; материальное положение иногда становилось критическим, безработица и бурный темперамент отца делали его объектом хозяйской мести, и мне часто

приходилось страдать от голода, холода и нравственных унижений.

Начатое монахами, мое воспитание продолжалось у монахов до одиннадцати лет. Я постоянно находился под страхом «гнева божия» и даже не пытался освободиться от него.

Только начиная с двенадцати лет, хоровым певчим, я стал понимать лицемерие попов и самостоятельно стал критиковать церковь, подчиняясь, однако, богу и иезуитской дисциплине. Сильное стремление к независимости заставило меня покинуть школу в четырнадцать лет. Отказался, несмотря на обещания устроить меня в семинарию, последовать примеру моего старшего брата, который уже носил сутану (рясу).

Из школы я вышел слишком слабым, чтобы заняться тяжелой профессией; меня отдали за восемь франков в месяц в услужение к аптекарю. Не выдержав тамошнего обращения, я перешел к парфюмеру, за десять франков в месяц. Там мое стремление к независимости подверглось жестокому испытанию, и через полгода я поступил в ученики в перчаточное заведение.

Мой хозяин, крайний реакционер и ханжа, полуремесленник, полухозяйчик, столько же следил за моим ученичеством, сколько за посещением церкви, откуда я часто убегал.

Едва я начал работать, как забастовки и постоянное выпрашивание местечка у хозяев настроили меня против них, первая же забастовка втянула меня в классовую борьбу, инстинктивную и необдуманную. Вторая, весьма упорная, забастовка усилила мою ненависть к хозяевам-«патриотам».

1914 год застал меня в полном благополучии, поскольку может благоденствовать рабочий; все мои

товарищи, получившие воспитание у монахов, почувствовали прилив патриотизма, и «героическая», «справедливая» война нашла отклик в моей пылкой молодой душе, подготовленной роялистско-католической пропагандой.

Я пошел добровольцем, отказавшись от отсрочки, и сначала сделался антимилитаристом, затем, в 1917 году, сторонником восстания. Мой идеологический багаж был весьма спутан и приближался к туманному социализму, пока, путем продолжительных размышлений, я не пришел к отчетливым взглядам.

Несколько ожесточенных схваток научили меня понимать роль капитализма в войне.

Только благодаря перемирию я окончательно освободился от пут религии и начал читать социалистические журналы того времени. Русская революция меня привлекала, но я не понимал ее.

Демобилизованный, я принимал активное участие в социалистическом союзе молодежи, образованию которого способствовал.

Усердно работал в профсоюзе, но не очень хорошо понимал его общественно-революционную роль. Раскол партии поразил меня, и так как старые бойцы оставались с реформистами, то я впал в апатию и подтрунивал над движением.

Безработица, стачки на заводе и даже некоторая сантиментальная идеология толкнули меня на борьбу.

В 1922 году был образован унитарный профсоюз, вдохновителем которого я стал почти против своей воли. После этого произошла реорганизация партии в моем центре и департаменте.

Глупость и предательство реформистов, ненависть к капитализму и буржуазии, уверенность в неизбежном исчезновении режима, который сам себя разрушает,

пустота и позор рабства нашей пролетарской жизни заставили меня яростно нападать на буржуазию и реформистов моего района; я больше всего жалел о том, что капиталистическая война превратила меня в инвалида и уничтожила мой дар устной пропаганды.

Изучение коммунистических и марксистских доктрин укрепило во мне волю к борьбе, и я, несмотря на засилие реформизма и реакции в моем департаменте, чувствую в коммунизме достаточно силы и правды, чтобы в единении со всеми революционерами установить во Франции диктатуру пролетариата, которая одна только сможет избавить нас от капитализма и привести к социализму.

Я мог бы привести гораздо более деталей, ибо я достаточно пережил, чтобы написать текст большого романа; но я полагаю, что биография—не апология, и исключительно должна ограничиваться конкретными пунктами политического развития.

Октав Ламбер.

Родился 17 января 1896 года в Обервиле (департамент Сены), от отца-бельгийца и матери-француженки.

Благодаря натурализации отца и оптированию французского подданства, я окончательно сделался французом.

Сын рабочего, я провел первую часть своего детства, как все вообще дети рабочих. Мне было восемь лет, когда родился мой последний брат (восьмой ребенок моей матери). Он прожил всего несколько дней. Мать, переутомленная изнурительной работой, которую ей задавала вся эта молодая семья (в тот момент нас было живых четверо детей), заболела туберкулезом. Ее приняли в больницу, а нас взяли на обще-

ственное призрение [19]); мы не могли оставаться у отца, так как были слишком малы, а он должен был работать.

В сентябре 1904 года скончалась наша мать. Мы еще некоторое время оставались на общественном призрении, затем вернулись к отцу.

Я, как старший, должен был взять на себя роль хозяина и заняться младшими братьями.

Скудный заработок отца (еле пять франков в день) и неразумное использование этого заработка, благодаря отсутствию матери, не замедлили привести к тому, что в семье нашей воцарилась нищета.

Отец очень скоро увидел, что не может содержать нас. Он хотел поместить нас куда-нибудь, но так как стоимость пансионов и других подобных мест превышала его средства, то он, скрепя сердце, должен был отдать нас на общественное призрение. Но он получил право взять нас обратно в тринадцать лет. Он сделал все, что было в человеческих силах, чтобы избежать этого. Но нас выселили из квартиры, которую мы занимали, за то, что один из моих братьев случайно поджег постель. Мне удалось потушить огонь собственным платьем, но хозяин, бывший, между прочим, моим крестным отцом, которому мы задолжали за несколько сроков, боялся детей, предоставленных самим себе, и выгнал нас.

Как сейчас вижу убитого горем отца, вижу нашу убогую мебель на тротуаре и вспоминаю, что никто не хотел нас приютить (нас было слишком много детей). Мэр Обервилье распорядился отдать в наше распоряжение ригу. Оттуда мы переехали в приют общественного призрения.

Мать не пользовалась большим авторитетом в нашей семье, тем не менее, она добилась от отца, чтобы нас

крестили. Отец же, которого постоянно и жестоко преследовали невзгоды, был человек слабый. Он получил высшее образование (имел диплом педагога), но оно мало помогло ему. Он был и остался надсмотрщиком за рабочими на фабрике кишечных струн Фабра в Обервилье. Он был республиканец, социалист и антимилитарист и искренно-свободомыслящий.

Из детского приюта нас отправили на Север. Меня отдавали частным лицам в различных местах. Во всех этих местах я понемногу изучал среду, нравы и т. п. В последний раз меня отдали шахтерам. Там я был у первого причастия, ибо здесь уже не находился под влиянием отца. Впрочем, я причащался без убеждения. Я получил свидетельство об окончании школы и тринадцати лет со слезами расстался с нею. Я хорошо учился, всегда был первым учеником. Я хотел продолжать учение. Я очень любил читать и могу сказать, что читал все; но любимым моим чтением были романы приключений и путешествия.

Итак, я отправился в шахты—единственная или почти единственная промышленность в этом районе. Здесь я, как и другие дети в ту пору, подвергся бессовестной эксплоатации; долгий рабочий день и голодные ставки, с одной стороны, и дурное обращение взрослых рабочих—с другой. Четырнадцати лет я вернулся в Обервиль к отцу; пятнадцати с половиною лет я, поссорившись, ушел от отца. Несколько месяцев я прожил в гостинице. Осенью 1911 года я пешком с небольшим узелком отправился на Север. В Лувре (департамент Сены и Уазы) я был арестован за бродяжничество. Я познакомился с центральной тюрьмой в Понтуазе. Через три недели меня выпустили за отсутствием состава преступления. Я опять направился к Северу. Я вернулся в шахты и через не-

сколько месяцев опять очутился на дороге. Я вернулся в Париж. На этот раз возвращение состоялось без всяких приключений. У меня были необходимые бумаги.

В Париже первые дни я проводил в ночлежке. Потом остался без средств и без работы. Я попал затем в среду уличных торговцев, которые наняли меня (за пропитание) продавать апельсины. Такое положение не могло долго длиться. Я вернулся в отцовский дом. Там я оставался до восемнадцати лет. Я уехал окончательно искать работы (май 1914).

С этого момента мои убеждения начали складываться определенно. Воспитание, полученное мною благодаря жизни в различной среде, показало мне, до какой степени существующий режим дурен, плохо организован, полон несправедливостей, и я сделался с этой поры читателем «Юманите».

Эта газета и познакомила меня с текущими политическими событиями и экономическими и социальными вопросами. Я чувствовал, вернее, угадывал, больше, чем ясно видел. Задолго предвидел войну, которая и наступила. Должен сказать, что мой отец был на этот счет другого мнения. Он не верил в войну. Он говорил: при том грандиозном аппарате разрушения, какими теперь располагают народы, они отступят перед последствиями войны.

Живя с отцом, я вместе с ним читал «Петит Репюблик»,—это была его любимая газета. На майских выборах 1914 года я с радостью узнал, что он голосовал за социалистов и против трехлетней военной службы.

Мы с ним были антимилитаристы. Как все вообще, мы понимали лишь войну за свободу, за цивилизацию и тому подобное.

В апреле 1915 года я покорно, без всякого энтузиазма отправился в полк; я познакомился с ремеслом, которое ненавидел заранее. И я еще более возненавидел его. Дальнейшие события, чтение и беседы скоро познакомили меня с сущностью войны. Отец присылал мне «Гер Сосьяль» («Социальная Война»), сделавшуюся его газетой. Я не упускал случая раздобыться нумером «Юманите», когда было возможно. С несколькими довольно развитыми товарищами, с которыми я спорил по многим вопросам, я еще более оформил свои убеждения.

Вот что прежде всего показала нам война: предательство социалистов, империализм капиталистов, пример русской революции,—и решение мое быстро сложилось.

После войны я поступил на государственную железную дорогу в Лувье. И тотчас же обзавелся профсоюзной карточкой.

В мае 1921 года, под давлением товарища Жора, также железнодорожника из Лувье, я вступил в партию.

Раньше мне мешало вступить в нее мое семейное положение, не позволявшее мне бороться энергичным образом. Я не понимал нахождения в партии только для уплаты взносов.

Только после внутренней борьбы я принял энергичное решение, побудившее меня вступить в партию.

С этого дня я энергично работаю. С этого дня я не переставал итти по линии партии. Мы пережили все кризисы партии в нашей федерации без единой, я сказал бы, измены.

Но для того, чтобы бороться, мне недоставало основы, метода. Недостаток времени не давал мне возможности изучить его.

И я поэтому охотно принял предложение поступить в школу.

Люсьен Матье.

Я родился в Пантене 6 октября 1896 года от родителей-рабочих. Детей нас было семь человек, из которых двое умерло в двенадцать и в четырнадцать лет; я—пятый ребенок в семье; родители чрезвычайно заботились о нас и всегда старались по возможности скрасить нашу жизнь.

Политические мнения моих родителей. И мой отец, и мать—внебрачные дети. Отец воспитывался у монахов до двенадцати лет, после чего он поступил в ученичество. В тринадцать лет он начал работать на Гренельских бойнях (в 1870 году, во время осады Парижа); в это время он работал с четырех часов утра до восьми часов вечера, и это тянулось до введения в действие закона о еженедельном отдыхе (кажется, 1906 г.); в восемнадцать лет он заинтересовался политической жизнью, насколько это вообще доступно рабочему, трудящемуся по шестнадцать часов в сутки. В двадцать пять лет он организовал первый профсоюз боенских рабочих (в 1882 г.), но товарищи, находившие его крайним левым, боролись с ним. В 1914 году, пораженный убийством Жореса, он признал «священное единение». Только в 1916 году он начал восставать против войны, по примеру кинтальцев; русская революция привела его в восторг, и в 1918 году он вступил в социалистическую партию; все время он был в ней левым, и шесть месяцев назад покинул партию, так как не мог уже больше участвовать на собраниях по старости и переутомлению; это не мешает ему оставаться ревностным революционером и следить за жизнью и развитием партии и Интернационала с большим вниманием.

Мать моя никогда не бывала в школе, и читать ее научил отец; она ходила вместе с моим отцом на митинги и манифестации, всегда, когда можно было, и всегда разделяла его взгляды. Она всегда говорит, что хотела бы иметь счастье увидеть революцию до своей смерти. Родители мои живут гражданским браком.

В общем можно сказать, что революционные убеждения мне внушил отец. Никто из его детей не был крещен. В десять лет я наизусть распевал Интернационал и Карманьолу. В двенадцать лет я был уволен из школы за организацию союза школьников.

В двенадцать с половиною лет я начал работать в металлургии, но через три месяца должен был оставить работу по болезни. Три года я был без работы, потом поступил в контору. Сначала я был посыльным, а затем бухгалтером. Шестнадцати лет я поступил на бойни Ла Виллета мясником, вступил в конфедерированный профсоюз, но придерживался анархистского уклона. В ту эпоху я с большим вниманием читал «Гер Сосьяль» («Социальная Война») Гюстава Эрве, восхищавшего меня своими яростными нападками на полицию и армию, и я сделался ожесточенным антимилитаристом. Я ходил с отцом на все манифестации и митинги с самого раннего возраста, и в особенности меня поразила грандиозная манифестация протеста против убийства Феррера. Пришла война, я хотел дезертировать, но отец сказал мне, что это не продлится долго, и что если мы будем разбиты, то в Париже произойдет революция; я должен оставаться при нем.

В апреле 1915 г. я ехал из дому, глубоко возмущенный мыслью, что и мне, может-быть, придется участвовать в бойне; и хотя я был окружен товарищами сплошь националистами, я не мог не выражать громко своего отвращения к войне. Несколько раз я подвер-

гался наказаниям, и в сентябре был отправлен на фронт; здесь я нашел товарищей, уже начинавших ставить себе вопрос, зачем они воюют. За пение антимилитаристской песни я был наказан тридцатью днями тюрьмы, отдан под дисциплинарный суд и переведен в другой полк. На фронте я оставался до конца 1916 года, и когда узнал, что французское правительство отвергло мирные предложения Австрии, я дезертировал и явился в Париж посоветоваться с отцом. Я привел с собой десять товарищей моей роты. Отец сказал мне: «Делай, что хочешь; я не хочу, чтобы говорили, что я послал тебя на бойню». Через месяц после этого я был арестован и предан военному суду за дезертирство и за руководство дезертирским заговором. Меня приговорили к двум годам тюрьмы, но отсрочили наказание. Перевели в другой полк и отослали на фронт. Пришла русская революция, пробудившая во мне много надежд; мой отец всегда мне говорил, что русские—великие и энергичные революционеры.

В мае в полку началось недовольство; ходили самые противоречивые слухи о бунтах, имевших место в дивизии рядом с нашей. Мой отец посылал мне еженедельно газету «Волна» и сообщал, что в Париже ждут больших событий. Я опять дезертировал и прошел тридцать километров пешком, чтобы сесть на поезд в Нуайоне (департамент Эн); и мне пришлось быть свидетелем печального зрелища—расстрела железнодорожными рабочими бунтовавших солдат. Прибыв на Северный вокзал в числе шестисот дезертиров, мы вступили в настоящее сражение с жандармами, шпиками и пожарными. Я даже видел, как солдаты затоптали одного генерала. Все эти происшествия сильно взволновали меня, и я слышать больше не хотел о войне. Я рассчитывал найти в Париже людей, полных

решимости произвести революцию; но, убедившись, что таковых немного, решил прятаться, а покуда раздобыть бумаги, чтобы иметь возможность оставаться в Париже или уехать в Испанию. Я привел в порядок бумаги и стал работать на бойнях Вожирара. Через месяц после этого меня опять арестовали в гостинице и опять предали военному суду. Меня приговорили к пяти годам общественных работ и отправили в мастерскую № 2 участка Бужи. Там я работал в течение года, и все испытанные там страдания только укрепили мое понимание революции и убеждение в необходимости раздавить буржуазию, и я поклялся в вечной ненависти к ней.

Вернувшись в 1918 году на фронт, я познакомился с только-что приехавшим товарищем; это был сторонник меньшинства[20]), тогда работавший в Бурже; он был послан на фронт в виде дисциплинарной кары за организацию забастовки металлистов. Он первый рассказал мне о Ленине, о большевистской партии, о диктатуре пролетариата; я с восторгом принял это оружие, которое могло дать нам возможность раздавить реакцию. В июне я был ранен и эвакуирован в Тур. Я получил отпуск и уехал в Париж, где убедился, что диктатура Клемансо тяжелым гнетом висит на народе. Мое классовое сознание окрепло; я долго спорил с отцом о проблеме революции во Франции и думал, что если теперь начнется движение, то солдаты должны будут со всем, какое попадется, оружием дезертировать, захватить власть и провести свою диктатуру до полного подавления буржуазии. Я возвратился на фронт, но тут подошел конец войны. В то же время вспыхнула германская революция, и я надеялся, что русская и германская революции объединятся.

Я вступил в связь с франкфуртскими социал-демократами. Меня очень огорчила весть об убийстве Либкнехта и Р. Люксембург, и я понял все предательство Эберта и Шейдемана, которым я и так не доверял.

Я хотел вступить в партию, но отец советовал дождаться демобилизации и хорошенько оправиться; ему хотелось, чтобы я вышел из армии.

В июне 1919 года я был приговорен военным судом к предварительному заключению за то, что снабжал продовольствием жителей Франкфурта, получавших только четыре фунта картофеля на человека в неделю. Я раздавал им хлеб, белье и овец, находившихся под нашим надзором. В моих действиях не нашли состава преступления, так как следствие не могло доказать моей виновности. Я действовал сообща с одним товарищем, разделявшим мои взгляды, и только мы знали сделанное нами.

Демобилизовавшись в октябре 1919 года, я немедленно вступил в партию, а также в профсоюз, но меня разочаровало настроение большинства товарищей моей секции; они говорили только о выборах, когда же я хотел поднять дискуссию о проблеме революции, мне неизменно отвечали, что я, мол, слишком молод и ничего не смыслю.

В июне 1920 года я потерял глаз благодаря несчастному случаю; мне сделали три операции, и в течение двух лет я не мог ни читать, ни работать. Тем не менее, я оставался в партии, но не развивал в ней никакой деятельности.

Когда я, наконец, получил возможность активно работать, я поставил лозунгом своего поведения: «С большевистской партией за Интернационал—прежде всего». С той поры я всегда стоял за линию Интернационала и стремился работать над проведением ре-

шений его конгрессов, особенно над реорганизацией партии на основе производственных ячеек. В апреле этого года я организовал ячейку на бойнях, а в сентябре организовал 1-й район федерации Парижского района.

Арсен Иссад.

Меня зовут Иссад, Арсен Бен-Саид; я родился 11 августа 1896 года в Сит-Стелли-Дуар-Бени-Ратен, в коммуне Национального Форта, в департаменте Алжира. Мои отец и мать были кабилы. Смолоду я жил в нищете и видел, насколько наша участь хуже участи наших французских товарищей. Во французской школе, куда я поступил, мне по преимуществу вколачивали в голову славу французской цивилизации. С другой стороны, меня учили ненавидеть пролетариат этой страны. В школе я находился до 1909 года и получил свидетельство об ее окончании, а в 1910 году аттестат о прохождении дополнительного курса. Я прекратил занятия, возмутившись тем, что французские чиновники требовали, чтобы им кланялись. Ни в чем неповинных моих единоверцев они осыпали палочными ударами и сажали в тюрьму.

В 1911 году я покинул родину для Франции, где начал карьеру странствующего торговца. Шесть месяцев спустя я покинул и Францию и уехал в Бельгию, где жил год. Опять вернулся во Францию, затем уехал в Алжир. Через три года вернулся во Францию и поступил на завод. В начале войны, как и многие мои товарищи, я ничего не смыслил. В 1916 году, когда меня подвергли переосвидетельствованию, я делал все, что только можно было, чтобы спасти свою шкуру, потому что товарищи, возвращавшиеся с фронта и много настрадавшиеся, говорили мне, что они не знают,

за что дерутся. Затем я начал читать «Волну» Бризона. После войны, увидев, как старых бойцов обманули, я начал понимать, что война была затеяна для защиты несгораемых касс. В 1921 году я начал читать «Юма-

Школа в Бобиньи. Группа учеников—уроженцев колоний. Первый слева—Иссад, третий слева—Нессах Амар.

ните», усердным читателем которого и остался. Я симпатизировал коммунистической партии. В ноябре 1923 г. мои товарищи по секции Исси ввели меня в партию. И с той поры я делаю все, что должен делать коммунист для своей партии по части пропаганды, среди моих французских и алжирских товарищей.

Гастон Бруштейн.

16 августа 1897 года я увидел свет в мелочной лавчонке в Этампе (Сена и Уаза). Мои родители незадолго до того устроили свои дела благодаря сбережениям. Отец мой—бывший коммерческий посредник. Проработав целый ряд лет у оптовика в пригороде, где он сравнительно недурно зарабатывал, он помышлял уже устроиться на покой, когда утомление, давно подкрадывавшееся, начало сказываться. Мать совсем молоденькой была выдана замуж своей теткой, мелкой бакалейщицей, которая эксплоатировала ее по четырнадцати часов в сутки, заставляя вязать косынки на продажу.

Вначале, полные иллюзий, они получили у нескольких друзей небольшую сумму взаймы, которая в соединении с их маленькими сбережениями составила достаточный капитал, чтобы открыть предприятие.

Но по причинам, мне неизвестным, этим дорогим друзьям слишком рано понадобились деньги. Их пришлось вернуть. Родителей преследовали неудачи. Родилось трое детей—это вечное бедствие трудящихся. Я был вторым. Родители, однако, продолжали поддерживать свое хрупкое здание; это продолжалось около двадцати лет. Товары приходилось брать в кредит у оптового посредника, который угнетал родителей всю жизнь за эту, якобы, услугу. Честные сантиментальные люди, они были обмануты несколькими бедными рабочими семьями, которым этот жестокий и бессознательный акт был продиктован множеством детей и голодным заработком. К числу прочих врагов присоединился кредит.

Я еще маленьким был отдан моему дедушке, помощ-

нику мастера старинного пошиба («хозяин—бог», «не жгите лишнего света в мастерской» и т. п.). Воспитанный на свободе до десяти лет, я представлял собой совершенный тип молодого негодяя, изучая в школе все, что мне нравилось, а во дворе «все, чего нельзя»; я получал жалкие оскребки знаний, во-первых, от учителя, а во-вторых, от отца, когда он просматривал мои плохие отметки, где меня аттестовали лентяем и крайне непослушным.

В тринадцать лет, после некоторого колебания, родители решили оставить меня дома, надеясь придумать для меня какое-нибудь занятие. Отправленный через некоторое время в коллеж, где я должен был изучать английский язык, я провел там два месяца, перед концом года; но в эту среду выскочек и педантов я после отпуска не хотел возвращаться, и родители не настаивали на этом, поняв, что для них эта мечта—безумие.

Итак, я остался дома, в атмосфере постоянной войны с дельцами, бессовестными хищниками, налетавшими на нас, как воронье на падаль; дух мой возмущался, колеблясь между мелкобуржуазными понятиями моего отца, который колотился головой в стенку, но, обессилев, всегда сдавался, и моей бессознательной ненавистью к существующему обществу. На меня возложена была печальная миссия выклянчивать уплату по счетам у запутавшихся клиентов. Лицемерие, ложь и заносчивость—эту последнюю я предпочитал всему остальному—встречали меня повсюду. Все это породило во мне отвращение, которое и сейчас не ослабело.

В довершение всего я привел своих родителей в отчаяние, вздумав убежать из дому, чтобы поступить рабочим на завод, сделаться механиком, «смазчиком». При бакалейной лавке мы держали буфет, и это было

мое убежище, здесь я беседовал с рабочими. Хотя меня и возмущала их грубость, но бессознательно, должен сказать, я под их «пошлостью» чувствовал простую откровенность благородных сердец; в большинстве они были пьяницы, но я с ними сблизился, и во мне окрепло желание сделаться рабочим.

Война! Мы с братом, как слишком молодые, остались дома, отец также был оставлен по старости лет. В 1915 году он скоропостижно скончался, несмотря на чудеса энергии, проявленные матерью, которая много лет боролась с его болезнью.

Признанный годным к военной службе в 1916 году, я, по счастью, так и не был отправлен на фронт, несмотря на два отказа повиноваться, при чем в одном случае коллективно (при обучении); этот коллективный отказ повиноваться едва не обошелся мне очень дорого: я был взят «на замечание», как смутьян; к счастью, офицер, старый адъютант в отставке, проходивший со мною военную подготовку, замял это дело. Сделав это, он имел такт никогда об этом не заговаривать; это был заправила радикальной партии в Этампе, возмущавшийся (теперь уже нет: привычка вторая натура) моим возвращением из армии, моими речами, хотя еще неопределенными, но во всяком случае революционными, а главное, антимилитаристскими.

Бродя по Парижу в поисках работы после демобилизации, я с яростью констатировал, что нам, бывшим солдатам, надо продолжать войну на другом поле, и не будь со мной моей матери, я не знаю, не покончил ли бы я с собой.

Забастовка 1920 года была для меня откровением; не будучи ни членом профсоюза, ни членом партии, я примкнул к бастующим железнодорожникам, участвовал во всех их собраниях, я охвачен был жаждой

все знать. По окончании забастовки я уехал от матери, которая, слушая мои экзальтированные речи, имела мужество одобрить меня; во время войны она не раз говаривала: «Ну, за что, за что заставляют вас убивать?» На новом месте, где я провел десять месяцев, я работал среди рабочих, угнетаемых заводом.

Затем, вернувшись в Этамп, я сразу вошел в партию, переходя с завода на завод и изучая ремесло токаря. Не знаю, каким образом, но вышло само собой, что я сделался активным борцом. Мать моя умерла после войны, и вместе с нею умерло все мое прошлое. Теперь я—студент центральной школы. Из этой школы должных выходить закаленные бойцы; я буду одним из них.

Мурэ.

Родился в Лиможе 25 ноября 1897 года, в рабочей семье. Отец мой, сочувствовавший рабочему движению и следивший за ним, занимался профессией конвоира, мать была прачка и по роду своих занятий работала почти всегда по ночам за плату, доходившую до полутора франков в сутки. 3 июля 1900 года у меня родилась сестра.

Несмотря на то, что родители подвергали себя всяким лишениям, детство мое было довольно мрачно.

С шестилетнего возраста я поступил в коммунальную школу. Там я находился до двенадцати лет, после чего получил удостоверение об окончании начальной школы. За эти шесть лет мать перешла на работу на керамический завод, где зарабатывала 1,25 франка за десятичасовой рабочий день; это,—говорила она,—вернее; кроме того, это давало ей возможность эксплоатировать себя, занимаясь после завода еще стиркой.

Меня отдали в учение на обувную фабрику, где

около двух лет я проходил курс для взрослых рабочих, затем изучал одну из специальностей этой фабрикации.

Наступила война 1914 года; производство чувствительно уменьшилось, благодаря мобилизации квалифицированных рабочих; я поступил на завод, меньше потерпевший от войны, где работа шла почти нормально. Там я оставался до отправления в полк в начале 1916 года. В июне 1915 года я был призван к освидетельствованию. 9 января 1916 года я явился в полк, в который был назначен, и 1 февраля 1917 года уехал в отпуск; по окончании отпуска я был помещен в больницу в Лиможе, откуда вышел в конце декабря; после двух или трех поздок на фронт и с фронта, при чем на фронте я бывал лишь недолгое время, было заключено перемирие 11 ноября. 29 сентября я был демобилизован.

Если я привожу эти данные, то только потому, что они являются отражением всей моей юности, искалеченной милитаризмом капитала, и потому, что этот период определил мой уклон к коммунизму.

В самом деле, став в восемнадцать лет солдатом, я не имел никаких политических убеждений, но уже по инстинкту был антимилитарист. По прибытии на фронт я был назначен в артилерийскую батарею, солдаты которой почти сплошь были каменщики-лиможцы.

При моем орудии состоял один славный крестьянин, женатый, отец семейства, и он посвятил меня в революционную деятельность.

Он изъяснялся на местном наречии и десятки раз в день повторял несколько фраз, смысл которых я ниже привожу:

«Зачем они нас стерегут, эти бандиты?»

«Что мы им сделали?»

«Для чего мы воюем?»

«Немцы ничего мне не сделали такого, за что я должен был бы с ними воевать.»

«Лучше бы они нас отправили по домам».

«Зачем они заставляют нас убивать?»

Это был довольно оригинальный способ вести пропаганду, но его фразы, как молот, действовали на мой мозг. Почему? Зачем? Каждый раз, как я имел досуг подумать, эти вопросы вставали предо мной; если они сами собой не являлись, я задавал их себе.

Вначале я пытался отвечать товарищу, между нами начались долгие споры, затем к нам присоединились другие, и начался широкий обмен постепенно складывавшихся мнений. В течение семи месяцев одни и те же жалобы, одни и те же споры росли и ширились, и я из них сделал следующие выводы:

1) Я не хочу больше играть роль, которую мне навязывают.

2) Я хочу вырваться из тисков, удерживающих меня против моей воли.

3) Я не хочу воевать, не зная за что.

4) Не хочу воевать против рабочих, ничего мне не сделавших.

Августовский отпуск я использовал на поиски книг о причинах болезней и их следствиях. Я остановил свой выбор на желудке, и решил, что у меня болен этот орган. При помощи ряда уловок я оставался в больнице до перемирия. Затем наступила демобилизация. Я поступил на прежний завод, где нашел моих товарищей, демобилизованных несколькими месяцами раньше. Среди них были два активных революционера— один синдикалист и один сочувствовавший коммунизму; первый распространял на заводе «Ви Увриер» («Рабочая Жизнь») и местную газету, недавно основанную («Центр»). Я жадно читал эти два органа; через не-

которое время два товарища, читавшие «Юманите», начали ежедневно давать мне эту газету по прочтении, и между нами начались споры. Демобилизованный, сочувствовавший коммунизму, до войны был членом социалистической партии; он мне рассказывал о борьбе, о социалистической партии, о ее роли, ибо имел некоторое представление о политическом движении. Затем—о предательстве перед войной. В это время Кашен и Фроссар, вернувшись из Советской России, предприняли свой объезд Франции. Он часто говорил мне: если партия присоединится к III Интернационалу, присоединюсь и я. Если же нет, ничего не поделаешь! Я повторял его слова, и тотчас же после Тура вступил в коммунистическую партию. С конца 1919 года я состою в профсоюзе.

После этого для меня воистину наступила боевая жизнь; сначала я был избран членом совета профсоюза обувщиков, затем заместителем секретаря, затем членом Союза коммунистической молодежи, затем заместителем секретаря, потом секретарем—на этом посту мне не повезло, потому что секция коммунистической молодежи распалась по разным причинам. Немного позже я стал членом исполкома местной секции, затем членом федерального комитета Верхней Вьенны и исполкома департаментского союза Верхней Вьенны.

На этих разнообразных постах я развивал деятельность сообразно моим средствам, которые,—увы!—довольно убоги, как я теперь вижу по своей слабой подготовке в нашей школе.

На заводе задача была легче, потому что там мы боролись с хозяевами за удовлетворение ближайших наших требований; я, как многие из моих товарищей, добросовестно нес свою коммунистическую работу.

Альбер Вассар.

Родился 24 мая 1898 года в Апремоне, деревушке в Арденнах. Четвертый ребенок рабочей семьи, я с раннего возраста познакомился с житейскими невзгодами, ибо ничтожных заработков моего отца, рабочего-

Школа в Бобиньи. Группа учеников из провинции.

металлиста, хватало лишь на то, чтобы удерживать нас на границе нищеты.

В коммунальной школе я выделялся успехами, ибо обладал хорошей памятью и без усилия запоминал уроки; это начальное образование я пополнял у деревенского попа—«кюрэ»; я ему полюбился, и он обещал сделать из меня священника. Но, с удоволь-

ствием пользуясь его уроками и книжками, я, однако, не верил в истину его теорий, и когда мне исполнилось двенадцать лет, он отказался от своей затеи.

Между десятью и одиннадцатью годами я получил школьное свидетельство, и к этому времени относится мое первое разочарование и мой первый мятеж.

В самом деле, моим соседом в школе был сын директора завода, почти абсолютно неспособный заучить или запомнить малейший пустяк. Тем не менее, несмотря на эту разницу в наших дарованиях, я в двенадцать лет покинул школу, тогда как сын директора поступил в колледж—гимназию.

Нелепость такого отбора сильно поразила меня; однако, живя в среде, привыкшей покорно сносить всякие несправедливости, я довольно скоро забыл свою обиду и поступил на завод.

Этот завод, на котором работало триста человек, находился в местности, по преимуществу сельскохозяйственной, что давало возможность платить рабочим до смешного ничтожную плату, дополнявшуюся земледельческим трудом после десятичасовой работы в кузнечном или литейном цехе. Я не замедлил обнаружить на этом заводе вопиющее неравенство даже между эксплоатируемыми: благодаря техническим усовершенствованиям, одна часть завода получала высокие ставки, тогда как большинство рабочих еле прозябало. Разница в ставках скоро дошла до 50%, и так как никто из привычных рабов даже не помышлял требовать повышения своего оклада, то я в одно прекрасное утро решил объясниться насчет этой аномалии с директором.

Мне еще не было пятнадцати лет, но я изложил свои наблюдения таким вольным языком, что моя выходка привела директора в ярость; выгнанный директором,

осуждаемый товарищами, я скоро убедился, что мне не ужиться ни дома, ни в мастерской, и я, возмущенный окружающей пошлостью, принял решение покинуть и семью, и завод.

Без платья, без денег, без цели я потихоньку ушел из деревни и без приключений добрался до Реймса; там мне посчастливилось найти себе занятие, стол, ночлег и тридцать франков жалованья, что избавило меня от серьезных забот материального порядка.

Я не замедлил свести знакомство с несколькими молодыми товарищами, посещавшими собрания синдикалистских и анархистских кружков. Мысли, высказывавшиеся и обсуждавшиеся в этой среде, в общем согласовались с теми, которые у меня зарождались относительно неравенства и несправедливостей в школе и на заводе; но тон газет, таких как «Батай Синдикалист» («Профсоюзная Борьба»), смущал меня (особенно же статьи антимилитаристического содержания и о пенсиях солдатам,—это было в 1913 году); я возмущался несправедливостями, но армия мне казалась чем-то стоящим выше гнусностей, окружавших меня, и я был патриот, хотя и мятежный.

Однажды, уходя с манифестации, я был арестован; подвергшись грубому обращению полицейских агентов, я затем выслушал проповедь комиссара, в виду моего молодого возраста говорившего со мной довольно мягким тоном и указавшего мне на двусмысленную позицию анархистской среды. Из этого приключения я вышел с некоторым скептицизмом как относительно пользы манифестаций, так и относительно честности товарищей-анархистов.

Этот скептицизм спустя некоторое время значительно усилился, когда я узнал, что один из моих постоянных товарищей, суровый антимилитарист, добровольно

записался в иностранный легион. Эта непоследовательность окончательно меня обескуражила, и я перестал участвовать в собраниях и спорах. Но я очень много читал, что попало: Прудона, Золя, Гюго, Себастьяна Фора и т. п.

В начале 1914 года ко мне присоединился мой брат; мы решили, как говорится, объездить Францию, и в течение шести месяцев я имел случай соприкасаться и изучать особый мир, называемый у нас бродягами; мир, где встречаешь отвратительных негодяев, но также и избранные натуры, проникнутые духом свободы.

Война застала нас в Лонгви—области, оккупированной в самом начале войны; после нескольких приключений я был сослан в Баварию, где оставался шесть месяцев. Там я имел много случаев констатировать зверскую грубость как сторожей, так и пленных. Я вернулся во Францию в начале 1915 года, в разгар периода «священного единения», и это священное единение позволило мне проникнуть в аристократический и клерикальный кружок подпрефектуры Дрома, где я понял все его лицемерие. Вернувшись в Париж, я работал там до 1917 года; это была эпоха, когда профсоюзы реорганизовались Мерргеймом, и я был в Аржантайле делегатом от завода для защиты интересов мобилизованных рабочих.

Пережитые в Германии бедствия укрепили мой смутный довоенный патриотизм; я с легким сердцем уехал в полк; уже через месяц я был яростным антимилитаристом, но все еще верил в «войну за право».

Ужасы войны мало что изменили в моем образе мыслей; я возмущался огрубелостью солдат, их тупостью, глупым чинопочитанием, но все-таки маршировал и шел «до конца».

Из войны я вышел со странным представлением о

вещах: против армии, за правую войну! Тотчас же после перемирия я пробрался в Германию, и там мне легко было понять, до чего я ошибался, пытаясь проводить различие между милитаризмами и армиями в военное время; одни и те же были нравы, одни и те же злоупотребления под разными мундирами.

Это открытие заставило меня вновь принять деятельное участие в пропаганде. Депутат Бризон издавал газету «Волна», которая была запрещена в армии, однако, получила достаточное в ней распространение; я был усердным корреспондентом и усердным продавцом этой газеты. Меня не замедлили взять «на замечание»; тюрьма и преследования далеко не исправили меня, а родили во мне гнев, я продолжал читать всякую свободную минуту, в особенности же антимилитаристов, как Барбюсса, Толстого и других.

По освобождении я довольно скоро сделался активным бойцом синдикализма; это была эпоха теоретической борьбы с реформистами; я находился в революционном меньшинстве, секретарем синдиката металлистов в Шарлевиле; кризис и безработица 1921 года заставили меня странствовать несколько месяцев.

Я мало знаком был с политическим движением, однако, с сочувствием следил за коммунистическим движением, которое уже начинало развиваться; но я находил активных бойцов провинции довольно бледными, слишком мало отличавшимися от своих противников-социалистов, и так как я поддерживал сношения с многочисленными либертерами в Мерте и Мозеле, то очень скоро получил возможность изучить довольно основательно труды Сореля, Бакунина, Ницше, Малатесты, Кропоткина и Арман.

Я поступил на работу в Верден, где не было никакого профсоюзного движения; только небольшая ли-

бертарная группа часто собиралась, состоя в большинстве из интеллигентов—инженеров, архитекторов и врачей с чисто-индивидуальными тенденциями; они там строили теории, которые теперь мне кажутся смешными, но в то время приводили в восторг; в полгода я в этой компании узнал очень много истин против государства, против власти, против порядка и т. п., и в Шарлевилль я вернулся совершенным антикоммунистом. Однако, я читал «Капитал», но мне его комментировали таким образом, что я предпочитал Прудона и Себастиана Фора.

Синдикалистское движение в Арденнах влачило жалкое существование, там было немного организаций. Я возобновил пропаганду, в короткое время меня «заметили» на всех заводах, и для меня наступили довольно трудные времена; нужно было заниматься несколькими специальностями под вымышленными именами, но я ни в чем не изменил своим идеям и оставался анархо-синдикалистом.

В октябре 1923 года я подвергся преследованию за антимилитаристское выступление; в это время много говорили о германской революции; мы, в числе нескольких борцов, решили сделать все возможное для поддержки германских товарищей.

Для этого нужно было прежде всего улизнуть от полицейских, которым поручено было нас арестовать; это удалось довольно легко; в течение трех недель мы вели жизнь, полную волнений. Никто из нас никогда не представлял себе, какой огромный труд нужно проделать, чтобы организовать эту работу, вдвойне нелегальную.

Каждую ночь я устраивал собрания, стараясь наскоро создать местные группы действия, которые убедили бы колеблющихся; теперь я ясно видел всю не-

обходимость и дисциплины, и методической подготовки, и централизации.

За несколько месяцев до этого, состоя секретарем объединения департаментских союзов, я участвовал в июльском комитете Национальной Конфедерации, и хотя был в меньшинстве, но меня до глубины души возмутила позиция многочисленных членов большинства. Вернувшись из этого комитетеа, я подал в отставку; но перспектива революции, работа, которую нужно было произвести, приказы, которые нужно было отдавать, вернули меня к деятельности и стряхнули с меня мои антиавторитарные и антикоммунистические убеждения.

Июльский съезд заставил меня покинуть анархистов, а октябрьские события привели к коммунизму.

Вступив в партию, я стремился наверстать время, потерянное на блуждание в тумане анархии; я старался полностью воспринять учение Ленина и других теоретиков марксизма. Сказать, чтобы мне это действительно удалось, было бы преувеличением, ибо в том провинциальном захолустье, где я живу, чаще приходится действовать, чем изучать теории; часто добрая воля заменяет уверенность в том, что стоишь на правильном пути, и весьма возможно, что время-от-времени я бываю чрезмерно левым; во всяком случае, это выходит непроизвольно.

Очень часто в провинции слишком мало оказывается бойцов с достаточным образованием, и их невежество является причиною многих ошибок, вредных для организации; многие ответственные бойцы, с головой ушедшие в активную работу, никогда методически не изучали режима, против которого они борются, и в этом следует искать причины их уклонов и поражений.

Что касается меня, то мне часто приходилось решать задачи наугад, по вдохновению момента; я спорил о вещах, о которых не знал, и добросовестно поддерживал абсолютно неверные тезисы, и в этом отношении я не единственный и не худший.

Я с большим удовольствием принял предложение поступить в ленинскую школу, которая избавит меня от ложных теорий, продолжающих оказывать на меня влияние, осветит для меня некоторые темные пункты, позволит мне вернуться в свою федерацию лучше вооруженным для борьбы с существующим режимом и даст в то же время возможность поделиться приобретенными знаниями с товарищами, столь же нетерпеливо жаждущими знания, но менее счастливыми и не имевшими возможности пройти курс нашей школы.

Виктор-Анри Бриссе.

Я родился 11 января 1899 года, в Париже, в 18 округе. Моя мать жила в мансарде по улице Фюрантен; как все французские девушки, мать моя со дня рождения была жертвою буржуазных предрассудов. Она потеряла место, на котором служила, и существовала только мелкими услугами, которые оказывала соседям в течение дня.

Не имея возможности продолжать мое образование, она отдала меня на воспитание тетке. До десяти лет я воспитывался то у матери, то у бабушки, то у какой-нибудь из моих теток. К тому времени, когда мне исполнилось десять лет, мать дошла до полной нищеты, и я был усыновлен дядей, бедным железнодорожным чиновником, который в это время зарабатывал 71 франк в месяц, а должен был содержать семью из пяти человек.

Все эти невзгоды моих юных лет оказали на мой характер роковое влияние; я рос необщительным ребенком и чувствовал себя хорошо только в школе.

Что касается воспитания, то я получил, главным образом, религиозное воспитание, ибо семья моя была глубоко клерикальна. Только в двенадцать лет я начал терять веру; я думаю, эта перемена в моих занятиях вызвана была насмешками некоторых школьных товарищей, но, в особенности, влиянием моего учителя, славного человека, проникнутого республиканским и антиклерикальным духом.

В двенадцать лет я получил свидетельство об окончании школы в Шатодене (в департаменте Эры и Луары). В тринадцать лет я покинул школу и поступил в обучение к слесарю.

При объявлении войны, в августе 1914 года, мне было пятнадцать с половиною лет. Я был тогда учеником у механика в Анно (Эра и Луара), мой хозяин и рабочие были мобилизованы, и я один остался работать в этой мастерской.

К этому времени я совершенно освободился от религиозной веры, вследствие чего у меня были неприятности с моими приемными родителями, но зато я был яростным патриотом. Я с увлечением читал военные реляции и газеты и жалел, что я слишком молод, чтобы участвовать в войне; я хотел дождаться восемнадцати лет, чтобы записаться в армию.

В начале 1917 года я работал в департаменте Эн; чисто-крестьянское население этого района было настроено пацифистски; местный 133-й пехотный полк взбунтовался на фронте, и крестьяне находились в сильнейшем возбуждении. Вначале мои патриотические чувства были оскорблены, тем не менее, я поколебался. В это время произошла главная перемена

в развитии моих идей. Вернувшись в Париж, я в течение всего 1917 года был попеременно то патриотом, то пораженцем.

В 1918 году я обедал в ресторане на Монмартре в обществе рабочих-лионцев, мобилизованных на один из парижских заводов. Между нами происходили горячие споры о войне, о революции, о забастовке металлистов 1918 года и о их отправлении на фронт. С этого дня я совершенно стряхнул с себя полученное ранее воспитание и в июне 1918 года вступил в профсоюз рабочих электрической промышленности.

После перемирия революционная агитация заметно усилилась; я усердно ходил на революционные митинги, в особенности на митинги анархистов.

В начале 1919 года я поступил на Орлеанскую железную дорогу, где моим товарищем по работе оказался старый сторонник меньшинства, восхищавшийся русской революцией и позицией Мерргейма [22]), Лонге и Бризона во время войны. Хотя этот товарищ и не принадлежал ни к какой партии, он в совершенстве знал марксизм, и он внушил мне точное понятие о социализме. Я читал «Юманите», тогда еще мало революционную газету, и «Попюлер» с конца 1918 года.

В июле 1919 года я заявил о желании вступить в социалистическую партию, и вступил в 18-ю секцию, в группу Больших каменоломен.

В это время партия раздиралась отчаянной борьбой между реформистами и революционерами. Группа, в которой я находился, составляла реформистское большинство. В этой группе у нас были Ренодель [23]), Самба, Жан Варенн, Монтаньон и еще некоторые реформисты. С самого начала я примкнул к меньшинству группы из трех десятков товарищей; все это были рабочие-новички, скорее бунтари, чем революционеры.

В этой группе мы не могли переспорить реформистов, которые на каждом шагу ставили нам на вид, что мы не провели пятнадцать или двадцать лет в партии, и что мы не знаем, чего хотим,—это было довольно верно. Только на собраниях секции мы себя чувствовали уверенно, ибо там мы имели большинство. Все эти споры мало могли ободрить меня, и хотя я состоял членом партии, я усердно посещал анархистские собрания и митинги комитета социальной обороны [24]). В конце 1918 года я вошел в клуб предместья, примкнув к «Лиге прав человека» [25]), к группе «Кларте» [26]). Но все эти группы вместо того, чтобы внести ясность в мои мысли, только усилили хаос, царивший в моей голове.

В 1920 году я слушал лекции в марксистской школе Раппопорта, но так как эти лекции носили слишком теоретический характер и требовали высокого умственного уровня, они мне не принесли никакой пользы.

Мои представления о социализме стали вполне отчетливыми только в средине 1920 года.

В мае 1920 года—год большой забастовки железнодорожников—я был одним из самых ревностных ее участников. Эта забастовка, потерпевшая неудачу по милости реформистских вождей, породила во мне глубокое отвращение к реформистским вождям. После забастовки профсоюз свелся к нулю, и никто из бывших вместе со мною работников не хотел заняться перегруппировкой членов распавшегося союза. По соглашению с синдикальным советом синдиката парижского центра я успел перегруппировать небольшое ядро, объединив 35 из 120 членов профсоюза, насчитывавшихся до забастовки.

В январе я вступил в комитет III Интернационала.

Два раза успешно уклонившись от воинской повинности, я был в октябре отправлен в полк.

Я был мобилизован в Эпиналь, на востоке Франции. В казарме нас нашлось несколько товарищей, состоявших либо в партии, либо в союзе молодежи. Каждый вечер мы собирались у местного старого анархиста и усердно посещали собрания группы «рабочей молодежи», которая действовала под давлением Шамбеллана, молодого анархиста, вступившего в партию на другой день после Тура и через несколько месяцев из нее исключенного. Если бы в ту пору существовали казарменные ячейки, мы бы проделали много хорошей работы.

Однажды вечером, выходя из биржи труда, я был опознан офицером моего полка, и на другой день мне представили на выбор: либо поездку в Бириби [27]), либо добровольный отъезд в Сирию. Из двух зол я выбрал меньшее и подписал прошение перевести меня в Сирию.

Остаток военной службы я провел в Сирии, в Бейруте, и постоянно читал «Юманите», который доставал у одного штатского в городе. В полку я служил рабочим и отчасти потому, что был изолирован, отчасти же по лени мало занимался пропагандой.

Найдя работу у одного предпринимателя, я добился демобилизации. В течение года я немного работал в разных местах страны; наступил кризис, я переехал в Египет, где не нашел работы, наконец, оставшись без гроша, должен был обратиться к консулу, чтобы меня эвакуировали на родину.

Вернувшись во Францию, я вновь вступил в партию (в апреле 1923 года), в секцию Иври; через несколько месяцев я был назначен членом комитета секции. В январе 1923 года, хотя я был совсем молодой член секции и не имел никаких для этого данных, я был назначен секретарем секции.

В секции, насквозь пропитанной социал-демократическим духом старой партии, я нашел опору в лице нескольких моих товарищей, что позволило мне, я думаю, добросовестно выполнить свою задачу.

На другой день после 5-го конгресса федерация поручила мне организацию 7-го района. С некоторыми затруднениями мне удалось организовать ячейку, в конце сентября был образован районный комитет, и я был назначен временным секретарем.

13 октября район функционировал нормально; местная секция была распущена, после чего я был назначен от феодального бюро кандидатом в эту школу.

Итак, повторяю вкратце: три фактора определили мою ориентацию в сторону коммунизма:

1) Мое детство, не весьма счастливое и сильно повлиявшее на мой характер.

2) В 1917 году мое пребывание в департаменте Эн среди крестьян, возмущенных войною.

3) Влияние моего товарища по мастерской, когда я работал на железной дороге.

До настоящего дня мое идеологическое образование было почти ничтожно; с той поры, как я участвую в рабочем движении, я почти всегда занят практическими задачами и не имел времени развиваться идеологически. Вот почему я счастлив, что могу учиться в ленинской школе, и постараюсь по окончании ее сделаться действительно полезным партии. Но, может-быть, партии следовало сделать более правильный выбор и послать на мое место в школу товарища более для этого подготовленного. Я все же надеюсь извлечь из пребывания в ней большую пользу и, вернувшись в свой район, использовать приобретенные знания в интересах партии.

Карлос Риброк.

Родился в Рубэ 27 сентября 1899 года в рабочей семье, уже стряхнувшей с себя религиозную веру, как помеху к освобождению. Мой отец, член социалистической партии, к сожалению, как большинство сторонников II Интернационала, был отцом, не думавшим, что он обязан воспитывать свою семью в идеологии своей партии и знакомить жену с тем, что делается на собраниях, на которые он ходит. В такой атмосфере я рос.

Однажды—мне тогда было восемь или девять лет— в Рубэ состоялась большая манифестация. На ней присутствовал Жюль Гэд; мой отец представил меня великому трибуну, который, взяв меня на руки, показал толпе и сказал несколько слов, которые я в настоящее время понимаю, как предсказание о будущем.

В тот день мой отец, должно-быть, сказал мне что-то серьезное; я помню, что вечером, взяв меня на колени, он заплакал.

Я участвовал в социалистических кружках пионеров, а также принимал участие во всех партийных манифестациях. Через месяц по получении свидетельства об окончании начальной школы я пошел на капиталистическую каторгу; испытав разные несправедливости в нескольких фирмах, где я учился делу, я поступил, чтобы больше зарабатывать, в строительное предприятие курьером. Хозяин, очень довольный моими услугами, обещал мне обеспеченное будущее, но вскоре скончался сосед, которому устроили гражданские похороны, и я принял участие в кортеже и нес «сердце» [28]; это был день всех святых. По дороге к кладбищу я встретил моего хозяина. Два дня спустя, меня уволили.

До начала войны я успел побывать еще на нескольких заводах.

Во время войны я колебался между классовым воспитанием, которое я получил в школе, и тем, которое я почерпал из разговоров членов моей семьи и товарищей отца и из случайного чтения «Юманите»—газеты, постоянным читателем которой был мой отец. Должен сказать, что, несмотря на патриотизм, более или менее отличавший жителей опустошенных областей, я никогда не питал ненависти к германским солдатам; совсем не то было у меня в отношении офицеров.

По окончании войны я опять познакомился с действительной жизнью: мой отец вернулся, и мы вместе вели споры, приведшие к тому, что когда мне нужно было отправиться в полк, то я уже питал к военной службе глубокое отвращение; я не стану рассказывать о моей жизни солдата; не понимая еще, сколько нужно поработать для изучения доктрины, я делал все возможное, чтобы «отлынивать».

Во время пребывания в полку я все более и более знакомился с антагонизмом, существующим между двумя классами общества.

В Рубэ я вернулся в разгар кризиса безработицы и узнал, что мой отец состоит членом III Интернационала; я стал читать «Юманите». Через месяц я отправился в Эльзас, где я служил солдатом, и где моя невеста должна была родить. Я вернулся туда с намерением жениться, но в виду непримиримости моего тестя к вопросам веры (я был по преимуществу антиклерикал), я вернулся домой (спор с тестем, главным образом, был из-за денег), что еще более толкнуло меня к революционным идеям.

Вернувшись в Рубэ, я вступил в профсоюз и зани-

мался какой попало работой, ибо не имел ремесла по милости войны; я должен сказать, что после этого мне удалось изучить ремесло.

С конца войны я видел столько несправедливостей, что чтение «Юманите» доставляло мне удовольствие, и через несколько недель после возвращения из Эльзаса я попросил отца рекомендовать меня в партию; в сентябре 1920 г. я вступил в партию.

В течение нескольких месяцев я был воинствующим коммунистом, как многие другие, читал и, наконец, понял, что такое война. Затем, с двумя товарищами мы решили образовать союз коммунистической молодежи, в котором я работал серьезно; я был делегирован товарищами на заседание исполнительного комитета, познакомился с несколькими более образованными товарищами, и мы вместе организовали кружок самообразования. Благодаря посещению собраний, я получил возможность лучше познакомиться с нашим учением. К сожалению, лишенные поддержки влиятельных членов секции, т.-е. стариков, предоставленные самим себе, мы не могли продолжать этого дела. Мы еще два раза пытались наладить дело, но оно оставалось в прежнем положении; на наших секционных собраниях образование всегда оставалось в стороне, уступая место монотонной административной жизни, где целые часы тратились на вопросы, которые потребовали бы несколько минут у товарища, знакомого с доктриной, и очень часто молодые товарищи выражали сожаление, как мало времени им остается для учения. Чтобы все организации, принадлежащие к партии, работали, нужно было быть вездесущим, а большая часть членов этим совершенно не интересовалась; таким образом я стал членом комиссии о пионерах, внутрипартийной синдикальной комиссии, одним из друзей нашей

федеральной газеты для усиления ее продажи и т. п. Решения нашей партии требовали, чтобы мы проникли в недра профсоюзов. Я, с своей стороны, добивался этого и попал в административную профсоюзную комиссию, которой и сейчас состою казначеем, так как для пропаганды нашим организациям нужны деньги. Мы организовали театральный кружок, я был одним из актеров группы, и еще сейчас мы оказываем содействие всем организациям партии и профсоюза, которые обращаются к нам.

Затем в конце 1923 года я женился, но моя жизнь борца от этого нисколько не пострадала. Через некоторое время после брака я сделался секретарем группы.

После этого получились решения 5-го конгресса; мы с несколькими товарищами попытались реорганизовать партию. Мне, с своей стороны, удалось образовать несколько ячеек, и я был секретарем ячейки 108-й, когда федерация назначила меня в центральную ленинскую школу.

Со времени возвращения в партию я в меру своих сил способствовал увеличению наших кадров; я счастлив и горжусь тем, что поступил в школу. Мне давно хотелось получить побольше знаний, и я сделаю все возможное по окончании курса, чтобы в самой широкой степени содействовать выполнению задач, которые партия возлагает на своих бойцов.

Рене Руссо.

Я родилась в Париже 19 мая 1900 года, воспитывалась в предместье, и детство мое было счастливым.

Ребенком я мало участвовала в шумных играх, будучи слабого здоровья; я очень любила читать, в осо-

бенности- книги, в которых животные разговаривают, и лучшим товарищем моего детства была моя собака.

Я нерегулярно посещала школу по причине, как я уже говорила, слабого здоровья. В школе я считалась средней ученицей, хотя очень любила ее.

К двенадцати годам я внезапно покинула школу, вследствие развода родителей; оставшись одна с матерью, я узнала жизненные невзгоды.

В тринадцать лет я поступила в ученичество; мои воспоминания об этих первых годах труда—воспоминания об эксплоатации. Первый год кое-как прошел; затем по объявлении войны я осталась дома, лишившись работы.

Ах, эти первые месяцы войны, когда я пылала патриотическим одушевлением! Школьное воспитание давало себя чувствовать, хотя у нас я никогда не слышала разговоров о политике, потому что мой отец был к ней равнодушен.

Я поступила в довольно значительную торговлю модными товарами, имевшую собственного рассыльного; но, когда и он уехал, хозяйка нашла, что выгоднее будет взять двух девочек, и одной из них была я.

Целые дни мы находились на побегушках и даже по окончании рабочего дня, в те редкие минуты, которые мы проводили в мастерской, нас гоняли с поручениями работницы. К счастью, положение учениц сейчас лучше.

Разумеется, я всего этого старалась дома не говорить, гордясь тем, что могу приносить жалованье. Но спустя некоторое время мать должна была отправить меня в деревню, что для нее было жертвой.

Когда я возобновила работу, то это был новый вид эксплоатации, потому что я поступила к предпринимательнице, нанимавшей совсем молоденьких дево-

чек; это позволяло ей платить нам меньше, чем взрослым работницам, а работа все же кое-как шла.

У нее-то я и начала впервые испытывать чувство возмущения. Я хочу сказать: услышала вокруг себя разговоры. После рассказов раненых солдат война мне не казалась уже такой прекрасной. Мало-помалу я стала находить ее отвратительной; затем, не знаю как, начала читать газету «Эвр», но вскоре перешла на «Юманите». Начала выходить «Волна» Бризона. Все это меня, наконец, убедило; я навсегда сохраню воспоминание об этой поре.

В 1918 году началась забастовка; я приняла в ней участие, правда, самое скромное.

Вскоре после заключения перемирия я осталась без работы и поступила на небольшой завод моего квартала. В первые же дни я серьезно поранила себе руку (работая на пиле).

Все же я пробыла на заводе несколько месяцев, и это принесло мне большую пользу, потому что я беседовала с товарищами, также читавшими «Юманите».

Но я с большим удовольствием возобновила свое ремесло модистки.

Мятежники Черного моря, в особенности Марти, произвели на меня сильное впечатление. Мне очень хотелось ходить на митинги, но я еще не решалась.

Наконец, в одно воскресенье мать, вернувшись с рынка, сказала мне: «В Парижском цирке собирается митинг, хочешь пойти?».

Я навсегда сохраню в своей памяти впечатление этого дня: это было 14 декабря 1919 года. Мне кажется, я могу назвать имена ораторов. Как мне было хорошо в этой толпе! Митинг был запрещен, но все же состоялся в Ла-Гранж-о-Бель.

Там находился Раймон Лефевр; он говорил с величайшим одушевлением.

Это был первый шаг; после мы уже вдвоем посещали собрания.

Я ходила на празднества в Гарш [29]).

Наступили выборы в Шароне и Санте; с какой тревогой я ждала результатов и чуть не бросилась в мастерскую сообщать о них.

В прошлом году состоялась забастовка модисток; разумеется, я принимала в ней участие.

Как член забастовочного комитета, я ходила в министерство труда. О, это первое свидание с «патронами» было для меня весьма поучительно, ибо битых три часа шли переговоры, ничего в сущности не выяснившие, и только мосье Пикельман расточал любезности дамам.

Сам министр своей персоной удостоил выйти на несколько минут и сказал нам, чтобы мы шли на мировую, потому что предприниматели соглашаются на 25% (мы требовали сорока); конечно, это была огромная жертва со стороны предпринимателей.

Тогда я его спросила: может ли он прожить на двести пятьдесят шесть франков в месяц?

До сих пор я жду этого ответа!

Все это давало мне еще больше мужества будоражить рабочих, и мы, в конце-концов, победили, добившись 40% прибавки.

Во время забастовки я имела случай беседовать с редактором «Юманите», который посоветовал мне вступить в партию.

Вступив в секцию, я занялась пионерами, и в этом году вместе с ними ездила в Иль-де-Рэ [30]).

В настоящее время я нахожусь в ленинской школе, где, надеюсь, мое коммунистическое образование разовьется и даст мне возможность лучше служить моей партии.

Ролан Далле.

Родился 24 октября 1900 г. в Шатору (Эндр), городке с 30.000 жителей.

Мой отец был башмачником на фабрике, мать была швея на дому.

Отец мой был отчаянным пьяницей, тратившим все свои заработки на кабак, а меня награждавший тумаками.

Я посещал школу с семи лет до двенадцати с половиною. Учеником был посредственным. Робкий и угрюмый ребенок, я очень любил чтение.

Я испытал на себе влияние моего дедушки, старого крестьянина, который внушил мне свои религиозные убеждения, и я постоянно колебался между тем, что он мне внушал, и тем, чему я учился в светской школе.

В двенадцать с половиною лет я поступил учеником в типографию. В то время я думал, что все хозяева— славные малые.

Затем мы с родителями переехали жить в Париж, и там, в 1919 году, я впервые услышал о социализме. Один из моих дядей, старый гэдист, секретарь одной из секций Сены и Уазы, заметил мой вкус к чтению и посоветовал мне читать социалистические книги; я узнаю, что такое классовая борьба,—говорил он.

Мать испугалась и объявила, что если она увидит у меня в руках такие книги, то бросит их в огонь. В таком положении и осталось дело. Тем не менее, этот факт запечатлелся в моей памяти, и несколько лет спустя, когда я начал склоняться к анархизму, первые мои слова были: мой дядя был прав!

По объявлении войны я поступил на завод Диона; разумеется, я был патриот до мозга костей. На заводе я работал до 1917 года.

В момент забастовки 1917 года я сделался сентиментальным пацифистом. Я с энтузиазмом голосовал за забастовку, и, к сожалению, через три дня после этого возобновил работу.

Кое-как я изучил ремесло фрезеровщика и в конце 1917 года поступил в арсенал Пюто.

Все рабочие состояли в профсоюзе, и заводские делегаты признавались дирекцией.

В это время я познакомился с одним анархистом, чем-то в роде проходимца, единственный талант которого заключался в громкой глотке. Он-то и потребовал, чтобы я записался в союз; я согласился, и одновременно с моей карточкой он мне вручил две брошюры, одна говорила о репрессиях против стачечников, а другая о гнусной роли денег.

В этот день, несмотря на замечания начальника цеха, я не работал, и весь день провел в том, что читал и перечитывал обе брошюры.

На другой день я объявил себя анархистом.

Мы с анархистом сделались большими друзьями. Я с ним больше не расставался. Мы вместе ходили на все митинги; я покупал «Либерте» и посещал его компанию «тузов» тогдашней анархии.

Один случай прервал мою карьеру анархиста и охладил мой пыл неофита.

Мои новые друзья, отчасти жили «прямым захватом»; я последовал их примеру и, будучи неопытным вором, был арестован в первый же раз. Я поплатился шестью месяцами тюрьмы.

Тишина тюремной камеры мало-помалу внесла порядок в мои представления; выйдя (летом 1919 г.) из нее, я все еще называл себя анархистом, но питал более сильную и отчетливую ненависть к капиталистическому обществу.

Возвратясь в Пюто, я увидел, что мои друзья, анархисты, рассеялись. Я поступил помощником маляра к моему дяде-социалисту.

Я стал читать «Юманите». В это время меня очень мучила проблема верховного существа. Один из товарищей ссудил мне книги об эволюции видов, что заставило меня задуматься над очень многими вопросами.

Другой товарищ предложил мне войти в союз социалистической молодежи, только-что образовавшийся. Я дал свое согласие, надеясь привлечь молодежь на сторону моих анархистских «идей» (?).

После нескольких собраний я быстро отдал себе отчет в своем невежестве и начал читать социалистические книги и брошюры.

Мало-помалу, под влиянием союза молодежи и моего дяди, я освободился от моих анархистских предрассудков.

В партию я вошел в 1920 г. незадолго до Тура,— я объявил себя сторонником III Интернационала.

Попав таким образом в движение, я после этого веду активную работу.

Вынужденный безработицей поехать в Руан, я жил там несколько месяцев и проводил время в секции и муниципальной библиотеке; я был заместителем секретаря секции.

По возвращении я активно работал в секции союза молодежи и в комитете секции. После того как обозначилась левая тенденция, я могу сказать, что там, слушая споры, я начал делаться коммунистом.

С той поры я следил за всеми федеральными конгрессами в качестве делегата секции и участвовал во всех конференциях и конгрессах, происходивших в Париже.

В прошлом году секция назначила меня проходить курс в федеральной школе.

А на федеральном конгрессе я был делегатом от лионского конгресса.

Там, несмотря на мои протесты, меня сделали членом руководящего комитета (к этой роли я не имел ни дарований, ни охоты).

Я питал большое доверие к Суварину [31]), которого знал за бойца левой; кроме того, об Интернационале я узнал только от него и из коммунистических бюллетеней. Разумеется, это заставило меня голосовать за письмо к английской рабочей партии [32]) и первую резолюцию по русскому вопросу, но против Трена [33]), как секретаря партии.

Суварин мне казался совершенным большевиком. Я понял, что был введен в заблуждение его недисциплинированными действиями, и объяснениями, которые были нам даны делегатом исполнительного комитета.

Через некоторое время, отдав себе отчет в неспособности нынешнего руководящего комитета, я перестал присутствовать на его собраниях; работая на заводе, я организовал ячейку, и это позволило мне видеть, что там можно сделать.

Равным образом я участвовал в организации района Пюто. Федерация поручила мне организовать район Леваллуа, который, благодаря нескольким преданным товарищам, недурно работает. Затем я был назначен учеником в центральную школу, в которой и нахожусь.

В заключение должен сказать, что в моей боевой жизни мне часто нехватало воли, решимости и твердости; я думаю, что по моему незнанию марксистской и ленинской доктрины; изучая и пытаясь приложить свои знания к фактам, я надеюсь сделаться хорошим коммунистом.

С. Брош.

Родился 26 декабря 1900 года в Михайленах, маленьком местечке на севере Румынии.

Я родился в мелкобуржуазной еврейской семье, довольно бедной и загнанной, как все еврейские семьи в Румынии. До 1919 года мой отец был простым «подданным», без политических прав, но с такими же обязанностями, как и «граждане», включая воинскую повинность.

К социализму меня привели не эти обстоятельства, но они, по всей вероятности, сыграли видную роль в моем внутреннем развитии, так как патриотический дух совершенно отсутствовал во мне.

Как я уже выше говорил, родители мои были довольно бедны. В начальной школе я был одним из лучших учеников, и учителя вбили мне в голову, что я должен «учиться».

В двенадцать с половиною лет я уехал в Бухарест (за 600 километров от родного дома) с надеждой отыскать заработок и учиться; но в течение полутора лет я работал в разных не-специализованных ремеслах (с промежутками безработицы), и средства мои позволили мне только близко познакомиться с тем, что называется «нищетой».

В четырнадцать лет я поступил учеником на три года к граверу. Жизнь ученика-«интерна» в экономически-отсталых странах достаточно известна, и мне не нужно входить в детали об этом периоде моей жизни.

После трех лет ученичества и одного года «практики» я был признан квалифицированным рабочим, и условия моей жизни довольно быстро поднялись на уро-

вень несколько выше среднего, так что к середине 1920 года мой рабочий день я свел к пяти часам, а остальное время посвящал «учению». Математика и физика чрезвычайно привлекают меня, и в короткое время я сделал в этой области большие успехи. Вечером я посещал народный университет.

Но это длилось недолго—до 1920 года, когда я вынужден был уехать. Прибыв без копейки в Париж в январе 1921 года, в период большой безработицы, я опять нищенствовал в течение семи месяцев. Должен сказать, что все жизненные невзгоды не поколебали моего «духа», и смысл этих невзгод я понял после того, как пережил их.

С 1922 года условия моей жизни были относительно хороши.

Я познакомился с рабочим движением весьма любопытным образом. В 1914 г. (мне было четырнадцать лет) в Бухаресте вспыхнула забастовка трамвайщиков (рабочих тяги и мастерских). Я видел несколько манифестаций и митингов стачечников, и меня заразил дух мужества и самопожертвования, обуревавший их, а также сила, которую они представляли, остановив движение. В прокламации, обращенной к «общественному мнению», они просили читать «Рабочую Румынию», орган социалистической партии, для получения правильных сведений о забастовке. Я несколько раз покупал эту газету и там видел приглашение к участию в собраниях молодежи.

Споры, которые там велись, меня, главным образом, изумляли, но через короткое время я начал и понимать их,—правда, на свой лад. Около года я посещал все эти собрания (я приходил точно в назначенный час и робко жался в углу), и 12 июня 1915 года формально вступил в союз молодежи. В 1917 году я

вошел в партию и в бухарестский профсоюз металлистов.

Оглядываясь теперь назад, я отдаю себе отчет в эволюции, которую я проделал, начиная с первых моих социалистических представлений. Какая путаница вначале! Какой хаос чтения непонятных вещей разнообразных авторов! В настоящее время мне было бы довольно трудно сказать, к какой школе я вначале принадлежал. В голове моей смешивались марксизм, народничество, нигилизм, толстовство, идеализм и в особенности «конфузионизм» («путаничество»).

Социалистическая партия Румынии в то время находилась под влиянием Раковского. Во время войны он был «пацифистом» (я думаю, что его можно отнести к центристам Циммервальда и Кинталя). Я также следовал этой политике, но теперь вижу, что она была наполовину бессознательна.

Когда вспыхнула русская революция, я посещал (при германской оккупации) два нелегальных кружка, сочувствовавших революции, в которых получалась «Лейпцигская Народная Газета»; в ту пору она находилась под руководством Франца Меринга и сообщала весьма интересные сведения о России.

После ухода германцев из Румынии социалистическая партия реорганизовалась, и я присоединился к сторонникам русской революции. Правду сказать, мы (все «революционеры») были сильно заражены детской болезнью «левизны». Тайные группы, образованные нами, в общем были скорей романтичны, чем революционны, но иногда они вели и серьезную работу.

Легально протекавшая практическая работа партии, чтение книг и брошюр о революции и III Интернационале и тот факт, что революционная волна 1918—

1919 годов спала, излечили меня мало-помалу от детской болезни «левизны».

Прибыв во Францию, я начал принимать участие в жизни французской коммунистической партии и следить за дебатами по всем большим вопросам, стоявшим перед партией и Интернационалом. Я разделял мнение «левой» того момента и после Парижского конгресса (1922) был формально допущен во «фракцию». С того дня я неизменно согласен с нею во всех политических вопросах, не исключая и последнего кризиса перед V мировым конгрессом.

Фромаж.

Родился в 1901 году. Особое положение семьи сделало то, что в пять лет я остался без отцовской поддержки; мы с братом остались на попечении матери. В грандиозной индустрии, характеризующей такой город, как Сент-Этьен, заработок женщины той поры не превышал 2 ф. 50 сант. в день. Об остальных деталях нашего печального положения я вспоминаю смутно; мать трудилась отчаянно, чтобы прокормить своих двух сыновей, и в моей детской душе рождалось какое-то ожесточение при виде матери, иногда поздней ночью плакавшей над своей работой.

Спустя несколько лет, не имея денег на покупку угля, мы с братом, который старше меня тремя годами, ходили к шахтам собирать обломки с угольных куч. Одна мелочь меня сильно тогда поразила. В один зимний день, на вершине угольной кучи, мы с братом с невероятными усилиями взваливали два мешочка угля на детскую колясочку. Подбежал шахтный сторож и ударом ноги столкнул на дно ямы нашу колясочку и уголь. Я плакал, собирая сломанную колясочку и по-

рваные мешки, и в то же время в моей душе родилась к этому человеку ненависть, которой мой детский мозг не мог еще оформить.

Через несколько лет началась война. Я тогда работал в мастерской, мне было двенадцать лет, и нужно было по мере сил помогать семье. Работая посыльным на заводе, где пацифистское настроение рабочих не могло не передаться мне, я, не рассуждая, ненавидел войну, заставлявшую страдать. Благодаря товарищам, заметившим мою склонность к чтению, в мои руки попала книга «Труд» Эмиля Золя,—мне тогда было пятнадцать лет. Описать впечатление, произведенное на меня чтением этой книги, невозможно; своим детским сердцем, страдавшим и ненавидевшим страдания, я тотчас же воспламенился энтузиазмом к гармоническому обществу, описываемому Золя, и сколько раз я грезил о любви, долженствующей объединить всех людей! Я стал с лихорадочным нетерпением пожирать другие сочинения этого писателя. Между тем, товарищи по заводу заставили меня записаться в союз, и я принял также участие в работе Мадлены Верне по «Рабочему сиротскому приюту» и «Социальному будущему». Я любил ходить на эти собрания и слушать споры товарищей. Будучи еще очень молод, я садился в уголку зала и уходил, не произнеся ни слова. Врочем, анархистские деятели в большинстве случаев не обращали на меня никакого внимания.

Должен также сказать, что мне не пришлось отделываться ни от каких религиозных убеждений, так как к первому причастию я пошел под давлением, а крещен был лишь за неделю до этого, по настоянию моей бабушки, которая вздумала подвергнуть меня этому обряду в одиннадцать лет.

Жажда все знать—таково было мое умственное со-

стояние до 1917 года: Золя, А. Франс, Бальзак, Горький и многие другие, которых было бы долго перечислять.

Декабрьской забастовке 1917 года суждено было изменить мои взгляды; я еще не видал подобных сражений, и моим представлениям о доброте внезапно был нанесен удар.

Начавшаяся после миноритарного конгресса (съезд меньшинства) майская забастовка 1918 года отличалась большой ожесточенностью; это был опыт всеобщей забастовки, которой суждено было закончиться беспримерным поражением. Забастовка началась под лозунгом: «Против войны!», а закончилась она закрытием биржи труда, арестом сорока одного бойца и ссылкой на фронт нескольких тысяч рабочих. Никогда, кажется, как в тот день, я не сознавал такого крушения всех моих понятий, которые, однако, подсказаны были добрыми чувствами. Я отдал себе отчет в ожесточенной борьбе, в которой были противопоставлены друг-другу хозяева и рабочие, и видел также, что нам нехватает организации. После арестов наши организации распались.

Мерргейм, тот, который предал нас, устроил вместе с Жуо собрание; его встретили криками: «Они нас обманули!» и мы дали им почувствовать это; но в этот момент секретарь департаментского союза профсоюзов Ладюрон пригрозил с высоты трибуны запустить в нарушителей порядка графином. Как, он тоже предатель? Волна усталости и отвращения пронеслась по собранию, и множество членов профсоюза разорвали свои карточки. Я был в числе последних,— мне было семнадцать лет.

Тем временем происходила русская революция; для меня и для всех рабочих она обладала огромной при-

тягательной силой; каждый день в перерыве, в половине девятого, рабочие собирались по нескольку человек, и с глубокой тревогой следили за более или менее лживыми известиями, печатавшимися в буржуазных газетах. Мы инстинктивно тянулись, не уясняя себе точно, почему, к этим людям, которых в то время называли максималистами; особенно глубоко это действовало на меня. Вообще эта революция влияла на пролетариат и до, и во время забастовки 1918 года.

С 1918 по 1920 год я находился вне всяких организаций, проводя часы досуга в чтении.

В ноябре 1920 года я познакомился с движением социалистической молодежи и примкнул к Сент-Этьенской секции, насчитывавшей с десяток молодых товарищей.

После партийного съезда в Страсбурге был поставлен вопрос о присоединении к III Интернационалу. Я был в то время членом секции социалистической партии. В тот момент я вел ожесточенную борьбу против Фердинанда Фора, который в Страсбурге голосовал за поддержание «реконструктора» Лонге. Борьбе этой вскоре суждено было превратиться в антипатию. Мы были для него «молодежь». Движение молодежи развивалось весьма удовлетворительным образом. В нашем департаменте было 12 групп, и через несколько месяцев наша Сент-Этьенская секция уже насчитывала 80 молодых товарищей.

Наступил Турский конгресс. Я был одним из горячих сторонников присоединения к русской революции, которою восхищался, несмотря на свою молодость, и секция партии почти целиком примкнула к III Интернационалу.

После отчета Фердинанда Фора, данного в Туре, я

потребовал применения условий Интернационала. Но это уже затрогивало муниципальный мандат Фора, и я был разбит 300 голосами против 10 голосов молодых товарищей.

В это время коммунистические союзы молодежи предприняли большую антимилитаристскую кампанию. Потребовалась помощь партии. Партия делала оговорки, и нам пришлось самостоятельно вступить в битву. Кампания велась с большим количеством материала—с афишами, брошюрами, листовками. В результате были арестованы товарищ Дерижон и я, как зачинщики кампании. Я отбыл тридцать пять дней предварительного заключения и был приговорен к двум месяцам тюрьмы с отсрочкой. Я вышел из тюрьмы больным и на шесть недель должен был уехать в деревню, потеряв таким образом контакт с моими товарищами. Когда я вернулся, то застал большие разногласия, впрочем исключительно личного свойства, и через некоторое время, устав, я покинул союз молодежи. Время-от-времени я ходил еще на собрания партии, но усталость овладела мною; я полтора года боролся против божка секции, Фердинанда Фора, и никогда не имел на своей стороне больше 10 товарищей из 300. Накануне Марсельского конгресса в Туре состоялось собрание секции. Фердинанд Фор и некоторые другие защищали тезисы объединения с радикалами, предоставив департаментским федерациям вести избирательную политику смотря по обстоятельствам.

Я боролся против этих тезисов, настаивая на необходимости единой тактики для всей страны. При голосовании за меня высказалось три голоса. Не будучи в это время в настроении бороться во что бы то ни стало, я с негодованием поднялся с места, объявив: «Если вы хотите позволить каждой федерации хозяй-

ничать в кухне, то благодарю, господа, я не ем вашего жаркого!» С этими словами я вышел из партии.

Я перенес борьбу в профсоюз, где познакомился с либертерными деятелями. Мы часто встречались, между нами происходили самые горячие споры, и я не раз открывал под громкими словами полную пустоту с практической точки зрения. Я внимательно следил за превращениями партии и с удовольствием отметил уход из секции сторонников Фора.

В марте 1924 года разразилась забастовка металлистов; я был членом центрального комитета вместе с другими товарищами. Я вел борьбу по соглашению с ними за наши приемы работы, и в то время мы имели против себя анархо-синдикалистов. По требованию товарищей и в полном согласии с ними я опять вошел в партию. По окончании забастовки наиболее влиятельные товарищи были арестованы, я принял длительное участие в избирательной кампании, затем был назначен секретарем металлистов. Партия назначила меня не только членом комитета, но и секретарем по организации ячеек. Таково было мое место в движении, когда меня назначили в ленинскую школу партии.

Эли Сулье.

Родившись в Монпелье 11 апреля 1903 года, я очень рано вступил в школу жизни. В самом деле, когда мне было семь лет, мой отец внезапно скончался на работе, и мать осталась одна с моими двумя братьями и мною; в нашем доме надолго воцарились лишения, но, несмотря ни на что, мать не хотела отдать нас в сиротский приют.

Каждый четверг и воскресенье, когда общественная школа была закрыта, мы, чтобы не шататься по ули-

цам, ходили в католический патронат, где нас учили катехизису и церковной службе. Это длилось до тех пор, пока моя мать не заболела, и тогда старший брат, острые способности которого были замечены попами патроната, был отправлен в семинарию в Монпелье. Что касается меня и младшего брата, нас просто-напросто отдали на общественное попечение, в приют. Там я сделался горячим католиком и даже суровым пропагандистом веры среди окружавших меня. Мне было десять лет, и, таким образом, под влиянием сестер милосердия в госпитале и советов старшего брата, я готовился, в свою очередь, поступить в семинарию Монпелье.

Проболев год, мать выздоровела и вынуждена была уехать в Альби к сестре. Я не хотел оставаться в Монпелье без нее и последовал за нею в Альби.

Там я попал в среду кооперативной рабочей Стекольной фабрики [34]). На этом пролетарском заводе работали мой дядя и его четверо сыновей, и все они были членами социалистической партии. В 1912 году я услышал Жореса, выступавшего в пригородной деревушке, где мы жили.

Помню только бурные овации, покрывшие его последние слова, которых я не понял.

Мое пребывание в Альби продолжалось год, в течение которого мои христианские убеждения подверглись сильному испытанию; я с болью видел, что мои двоюродные братья каждый день разрушали понемногу мои убеждения. Насколько мог, я цеплялся за религию; в то время они могли только сделать меня более набожным и более убежденным. Мы вернулись в Монпелье, где я пошел к первому причастию, весьма грустному для меня, ибо у меня не было даже собственного костюма, тогда как все мои товарищи были

в кокетливых нарядах с дорогими свечами в руках; с этого времени я начал отдаляться от церкви; мало-по-малу я понял все доводы моих родственников.

Наступила война. Старший брат вышел из семинарии совершенным атеистом. Он все понимал, и война этому способствовала; все это в значительной степени развило в нас ужас перед побоищами, о которых достаточно красноречиво свидетельствовали поезда раненых и мы видели, что такое война.

Старший мой брат, 13-ти лет, покинул нас и уехал в Альби, где он работал с двоюродными братьями, он не замедлил вскоре сделаться сначала антирелигиозником, потом социалистом. В 1916 г. он вступил в социалистическую партию и тотчас же вошел в комитет по возобновлению международных связей; с этого дня я все больше переходил на сторону социализма; мой брат оказывал на меня сильное влияние, ибо он был смышлен и хорошо использовал свое пребывание в семинарии, где он изучил английский, латинский и отчасти греческий языки. К сожалению, ручной труд, которому он вынужден был отдаваться, чтобы заработать пропитание и жилье, помешал ему расширить свое образование. К концу войны, в 1918 году, мне было пятнадцать лет. К перемирию я уже хорошо видел, что мне нужно праздновать не победу, но мир, и вместе с товарищем Жюлем Понсом, молодым гимназистом, сыном рабочего, который получал стипендию, мы образовали в Монпелье социалистический союз молодежи. Мы собрали около себя 15 товарищей, из которых четверо или пятеро были мелкие буржуа, гимназические товарищи Понса, а остальные—товарищи моего брата и мои. Мы примкнули к крайнему левому крылу социализма, эта группа молодежи часто вступала в конфликт с социалистической партией

(ФСРИ), и борьба эта была так ожесточенна, что на выборах 1919 года мы выступили против социалистов ФСРИ, у которых нехватило даже мужества открыто объявить себя революционерами. Разумеется, это мало соответствовало дисциплине, но когда мы потребовали нашего принятия в партию в декабре 1919 г., то секция Монпелье, к великому нашему изумлению, приняла меня и Понса. Брат мой был членом партии с прошлого года, и ему не нужно было просить о принятии.

Это был маневр, заключавшийся в том, что нас как бы отдали под прямую опеку тузов нашей федерации. Все эти Жаны, Феликсы, Барты, Ребу и т. п., и т. д., которые при нашем принятии только посмеивались, а в особенности Феликс, только-что избранный в палату, видели, что мы—революционеры.

Началась дискуссия о III Интернационале, очень скоро поставившая каждого на свое место. Молодежь построилась отдельно. Скорей всего из энтузиазма, чем по твердому убеждению, тем не менее, мы стали решительными сторонниками III Интернационала и повели жестокую борьбу. Мы самым непочтительным образом сталкивали старых бородачей послевоенной социал-демократии.

В этой борьбе я понял всю двойственность и иезуитизм руководителей социалистической партии, сторонников Эро.

В секции Монпелье нам удалось с помощью товарища Рейна (он в настоящее время сторонник Суварина, но дисциплинированный), тогдашнего секретаря секции, заставить голосовать группу ФСРИ за присоединение к III Интернационалу 15 голосами против 14. Это была критическая ситуация для обоих течений, потому что мы не надеялись на такой успех и старались лишь

закрепить его, другие же утверждали, что голосование недействительно в виду ничтожного числа присутствовавших товарищей. Голосование было отложено на более поздний срок.

Мы были очень наивны, ибо на следующей неделе свыше 80 голосов высказалось против III Интернационала, который остался при своих 15. Это нас глубоко возмутило, ибо с помощью разных гнусных махинаций были мобилизованы все кабацкие социалисты местечка, мы же были слишком молоды в движении, работали всего один год и очутились лицом к лицу с незнакомыми нам и глупыми людьми, голосовавшими против потому, что так им приказали местные депутаты.

Возмущенные партией, мы вернулись в союз молодежи, где одним хорошим нажимом сбросили Лэна [35]) и наше 22-е объединение голосовало за предложение Пери-Лапорта, означавшее присоединение к Москве.

Во время майских забастовок мы принимали участие во всех манифестациях, организованных стачечниками; мой брат, металлист, был уволен из мастерской и, не найдя работы в Монпелье, уехал в Марсель. Я остался в Монпелье, где перепробовал целый ряд занятий (посыльный при отеле, пирожник и пр., и пр.). Когда я начал знакомиться со столярным ремеслом, то синдикалисты Монпелье, примыкавшие к течению Лафайета, отказались принять меня в члены на том основании, что я слишком молод.

Опять возобновилась борьба внутри партии за III Интернационал. Фроссар и Кашен вернулись из России, мы, наконец, начали одерживать победы и накануне Тура, несмотря на все махинации противников, присоединение к III Интернационалу было принято 40 голосами против 25. Наша глубоко реформистская федерация была поколеблена, и, по примеру глав-

ной секции, мелкие секции высказались большинством голосов за русскую революцию. После Тура эта волна энтузиазма спала, и за нашими депутатами последовало значительное большинство федерации. Сил было потрачено очень много, и по состоянию здоровья я вынужден был уехать из Монпелье. Я отправился в большое село в Пезена, где служил возчиком, и, будучи изолирован от всего и от всех, поневоле отстал от всякой политической работы. Тут я узнал о преследованиях, которым подверглись несколько моих товарищей, в том числе брат, который был приговорен к трем месяцам тюрьмы в тот самый день, когда уезжал в полк.

Я вернулся в Монпелье, где застал коммунистическое движение в очень дурном положении; активной работы никакой не производилось, союзы молодежи были расстроены преследованиями и отправлением лучших элементов в казармы.

Но мало-помалу группа оправилась, и я, вместе с другими тремя товарищами, отдал все свои силы борьбе за то, чтобы секция приобрела свою прежнюю силу. Объединение союзов молодежи мы оставили на попечении товарища Мутона из Мольер-сюр-Сеза, который всегда вел его в авангарде национальной федерации, и сейчас продолжает вести его вместе с товарищем Фоса. В то время шли споры, взволновавшие федерации компартии. В провинции мы были очень плохо осведомлены об этих спорах, и после Марсельского конгресса, на котором я присутствовал в двух заседаниях, я решил отколоться от партии, в которой нельзя было с пользой работать на социалистическую революцию. Это был период усталости и апатии, и я понемногу позволил себе увлечься банальной любовишкой; отец моей любезной, довоенный воин-

ствующий анархист (он был арестован по делу Казерио, его фамилия Сорель), с которым я вступил в отношения, убедил меня в конце-концов, в бесполезности политической и даже профсоюзной деятельности; я стал сумбурным мелким буржуа, проводившим свои вечера и воскресенья в бесплодной болтовне и спорах о литературе, о любви и других столь же возвышенных предметах. В конце-концов, я сделался настоящим анархистом. Это длилось до 1923 года, когда я заинтересовался Парижским конгрессом путем чтения «Либертера» и других изданий, столь же искренно информированных. Я был настроен скептически и, увлекаясь любовью, был довольно далек от движения.

И вот, состоялся заговор [36]. Кашен, Семар, Монмуссо были арестованы! Эта новость поразила меня, я понял всю глупость своей беспечности и вошел в ряды, в которых борюсь и теперь по доброй революционной совести. После этого я навлек на себя ненависть очень многих, в частности анархистов, но я все послал к чорту—литературу, театр, женщин, и теперь я искренний коммунист, убежденный в необходимости диктатуры пролетариата. Я понял Ленина. За мою деятельность мне оказали честь, поручив руководить политической секцией Монпелье. Я тщетно пытался перегруппировать коммунистический союз молодежи, но на этой почве работа трудна. Однако, я не теряю надежды сформировать, наконец, сильную и такую же деятельную группу, как группа периода с 1919 по 1921 г.

Об этой группе я могу с гордостью сказать, что она была одной из первых, присоединившихся к Коммунистическому Интернационалу.

Вот почти все о моей жизни борца до настоящего дня. Различные обстоятельства, приведшие меня к

коммунизму, прежде всего относятся к чисто-сентиментальному порядку: война, нравственные и материальные страдания в общественном приюте, а также к научному порядку, ибо анализ моих убеждений и чувств позволил мне разглядеть, что между всеми доктринами, претендующими на создание человеческого счастья, один коммунизм мог дать средства начать борьбу и привести пролетариат к революционной победе.

Амар Нессах.

Родился 22 мая 1903 г. в Фор-Насьональ в Алжирском департаменте.

В 1923 году в январе месяце я поступил в копи Па-де-Кале. Я работал с тремя товарищами, состоявшими в партии.

Они всегда вели споры, но в первые дни я не обращал на них внимания, а через несколько месяцев начал их слушать; один из них посоветовал мне читать «Юманите» и дал несколько брошюр, которые он сам прочел; он начал приглашать меня на собрания, я начал покупать брошюры на свои средства, хотя живу в большой нищете, благодаря тому, что наши хозяева платят нам ничтожную плату. Я понял, что только коммунистическая партия защищает жителей колоний и рабочий класс.

В течение года я сочувствовал коммунизму, а через год вошел в партию—6 апреля 1924 г. Я нашел в коммунизме единственное учение, которое мне нравится своей искренностью. Я с девяти лет воспитывался у африканских миссионеров, которые учили меня христианской вере. Я им поклонялся, ибо эти люди сделали мне добро. Я происходил из очень бедной семьи, моему отцу не на что было нас воспитывать, они взяли

меня к себе, кормили, одевали и дали мне некоторое образование, что у нас большая редкость. Я у них пробыл до пятнадцати лет, после чего они меня поместили на ферму, принадлежавшую им, на которой я жил в течение года; затем я работал в Алжире на заводе химических удобрений, где зарабатывал много по нашим местам, т.-е. мне платили два франка в сутки, а затем 4 франка; я провел там три года, после чего переехал во Францию. Первые годы я жил в невежестве, а в январе 1923 я нашел товарища-шахтера, который объяснил мне коммунистическое учение, и в то же время я начал читать газеты; я понял, что между коммунизмом и католицизмом существует глубокое различие, и я оставил христианскую религию, чтобы войти в ряды рабоче-крестьянского союза. Я понял, что нужно знать классовую борьбу. У миссионеров большие фермы, на которых они эксплоатируют бедных туземцев; и так как рабочие от них уходят из-за нищенского жалованья, то они берут к себе их детей на пансион, чтобы удержать у себя рабочих.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Курьерская катастрофа. В 1905 году в каменноугольных шахтах Курьера, близ Донэ, на Севере, произошла страшная катастрофа, в которой погибло 1093 горнорабочих. Катастрофа оказала огромное влияние на рабочих не только Франции, но и соседних стран.

2. ФСРИ. „Французская Секция Рабочего Интернационала" (SFIO) — обозначение французской социалистической партии. В рабочих кругах это сокращение весьма распространено и почти всегда употребляется вместо слов „французская социалистическая партия".

3. Бобиньи — предместье на северо-востоке Парижа, почти исключительно обитаемое рабочими, с коммунистическим общинным советом и бургомистром. Здесь в зимние месяцы 1924—25 гг. действовала Первая Ленинская центральная школа КПФ (коммунистической партии Франции). Благодаря ей местечко Бобиньи приобрело большую известность, особенно после того, как Эррио 6-го декабря в честь посещения Чемберленом Парижа, организовал вооруженное нападение полиции на школьный барак, и это послужило поводом к горячим дебатам в палате.

4 Жан-Батист Сэй — владелец одного из крупнейших рафинадных заводов Франции.

5. Турский раскол. В 1920 году в Туре состоялся конгресс „объединенной социалистической партии Франции", на котором большинством голосов было решено официальное присоединение партии к III Интернационалу. Благодаря этому решению, реформистское меньшинство вышло из партии и основало, под руководством Блюма, Ренoделя, Лонге и других, новую социалистическую партию Франции.

6. „Либертер"—название анархистской газеты, вокруг которой группируются все заядлые анархисты Франции. Газета в особенности отличается травлею коммунистов и Советской России. „Либертерами" называются также просто все последовательные анархисты, принадлежащие к „Fédération Avantiste".

7. Энжельс—известный агитатор социалистической партии, принадлежавший к ее левому крылу. После того как он одна-

жды раскрыл махинацию Лушера в разоренных областях Франции, он на выборах подвергся бойкоту со стороны левого блока (к которому принадлежат и социалисты) и не был переизбран в палату.

8. **„Волна“**—социалистическая газета, представлявшая тенденции Кинтальской конференции (правого ее крыла). Резкая антимилитаристская позиция снискала ей во время войны большие симпатии рабочих. Ее редактор Бризон, социалистический депутат в начале войны, стал известен благодаря скандалу в палате, где он угрожал револьвером скамьям министров. В Туре (см. выше № 5) он шел с коммунистической партией, но позднее решением контрольной комиссии был из нее исключен. Он умер в 1923 году.

9. **Ла-Виллет и Пре-Сен-Жерве**—городские кварталы на северо-востоке Парижа, исключительно заселенные рабочими. В Ла-Виллете, пользующемся репутацией „легкомысленного“ района, находятся парижские бойни. В Пре-Сен-Жерве в 1871 г. происходили последние бои между коммунарами и версальцами.

10. **Марсель Самба**—вместе с Жоресом и Гэдом был вождем старой социалистической партии Франции. Во время войны он сделался яростным патриотом и вместе с Гэдом был в министрах. Он умер вскоре после раскола партии в Туре.

11. **„Анары“**— распространенное среди рабочих сокращение слова „анархисты“.

12. **Промышленные бойни.** Во французской индустрии встречаются невероятно устарелые и самые современные производственные формы в мирном сожительстве. Так, многомиллионный город Париж, в настоящее время сосредоточивший в себе высоко развитую машиностроительную промышленность, имеет Центральную бойню, состоящую из 600 мелких боен, в которых работает 600 мелких предпринимателей с 1.300 подмастерьями. Благодаря такой эксплоатации боен пропадает без пользы огромное количество мяса, крови, рога и т. п. Город не может предоставить средства для индустриализации бойни. Банки только в том случае готовы были бы дать средства, если бы новые бойни перешли из городских рук в их частное владение. Благодаря этому индустриализации боен не происходит. Рабочие боен, включая и „предпринимателей“, которые почти сплошь являются бывшими подмастерьями и членами социалистической партии Франции, выработали план индустриализации. Споры об этом плане очень много способствовали политическому воспитанию рабочих и их радикализации.

13. **Война за право.** Под этим лозунгом французская буржуазия призывала к „священному единению“ пред лицом войны все классы.

14. **РАББ**, „Республиканская ассоциация бывших бойцов“ (ARAC)—левое радикальное объединение настроенных против войны фронтовиков, основанное группою „Кларте“ (см. № 26). В настоящее время это объединение насчитывает несколько десятков тысяч членов и работает рука-об-руку с французской коммунистической партией.

15. Лилльский конгресс—местный конгресс Генеральной Конфедерации труда (центральное объединение профсоюзов) 1921 г., на котором борьба между революционным и реформистским течениями достигла кульминационного пункта. Обе группы были почти равны по силе. Состоялся ряд ожесточенных стычек, доходивших чуть ли не до рукопашной. Но раскола на этом конгрессе еще не произошло (в этом автор биографии ошибается). Он последовал только в декабре того же года.

16. Зуавы—колониальные полки французской армии, в которых служат как французские, так и африканские солдаты.

17. Пьер Семар — руководящая личность в революционном движении меньшинства французских профсоюзов перед их расколом, а позднее в революционной организации профсоюзов (ВУКТ— Всеобщая Унитарная Конфедерация Труда). Семар принадлежит к тем революционным синдикалистам, которые первые сделались подлинными коммунистами и совершенно освободились от старых синдикалистских предрассудков. В настоящее время он является генеральным секретарем Французской Коммунистической Партии.

18. Дарданеллы. С начала войны объединенный средиземноморский флот Антанты тщетно пытался завоевать пролив, отделяющий Европейскую Турцию с Константинополем от Азиатской. Французские войска понесли при этих попытках особенно тяжелые потери.

19. Общественное призрение—государственные приюты призрения для детей, родители которых умерли или не в состоянии содержать их. Под маскою призрения эти дети чаще всего подвергаются неслыханной эксплоатации.

20. Миноритер — обозначение революционного враждебного войне течения во французских профсоюзах, организованного в виде „революционных синдикальных комитетов“. Участники этого движения сперва присоединились к „комитету восстановления международных связей“, а позднее сгруппировались вокруг начавшей выходить газеты „Рабочая Жизнь“ (см. № 21). Как впоследствии, при расколе профсоюзов, показала практика, это „движение меньшинства“ фактически привлекло к себе большинство организованных рабочих.

21. „Рабочая Жизнь“ (Vie Ouvrière)—профсоюзная газета, которая была закрыта в начале войны, а после перемирия стала издаваться, как орган революционного „меньшинства“. „Рабочая Жизнь“ в настоящее время является центральным органом Всеобщей Унитарной Конфедерации Труда и органом публикаций Профинтерна во Франции.

22. Мерргейм—вождь союза металлистов в старом профсоюзном движении. Первоначально он принимал участие в движении „революционных синдикальных комитетов“, но затем перешел в лагерь реформистов. В настоящее время он является одним из вождей реформистской Всеобщей Конфедерации Труда.

23. Пьер Ренодель—один из вождей старой „объединенной социалистической партии Франции“, друг Жореса. В настоящее время одна из важнейших фигур этой партии и вместе с Блюмом

постоянный советник Эррио, а также редактор главной газеты левого блока—„Котидьен“.

24. Комитет социальной обороны—учрежденный анархистами комитет, официально поставивший себе задачей защиту всех политических узников. На практике же он занимается, главным образом, пропагандою против „зверств“ в тюрьмах Советской России и отказывается защищать арестованных коммунистов Франции.

25. Лига прав человека — старый республиканский, некогда революционный союз давно уже представляет собой арену деятельности для буржуазных либералов (с преобладанием массонов) и пацифистов. Французская секция Лиги Наций. Во время грузинской авантюры осенью 1924 года Лига пыталась организовать крупные мероприятия против „произвола большевиков“.

26. „Кларте“—организация антимилитаристской интеллигенции, основанная А. Барбюссом (автор знаменитой книги „В огне“) и названная по его программной книге „Кларте“ (ясность), изображающей превращение мелкого буржуа во время войны из патриота в революционера. Организация издает ежемесячник, насчитывающий несколько тысяч читателей, по преимуществу интеллигентов. В общем направление „Кларте“, несмотря на всю добрую волю ее руководителей, еще довольно далеко от того, чтобы быть подлинно коммунистическим.

27. Бириби—народное название военных штрафных колоний, по преимуществу учрежденных в пустынных областях Северной Африки. Эти штрафные колонии, в которые солдаты отправлялись нередко за ничтожные проступки, были сущим адом. За последнее время в прессу проникли такие подробности о положении дел в них, что правительство Эррио вынуждено было официально „упразднить“ эти колонии.

28. Нести сердце. На французских католических похоронах, кроме распятия, в похоронной процессии несут еще „сердце Иисуса“.

29. Празднество в Гарше. Коммунистическая партия устраивает каждый год, продолжая старинную традицию социалистической партии, большой народный праздник в лесу Гарш в окрестностях Парижа. В нем принимают участие почти все члены партии, многие сочувствующие и беспартийные.

30. Иль-де-Ре—остров на юго-западном берегу Франции, поблизости Ларошели. С 1924 года французские детские группы устраивают на этом острове каникулы для детей рабочих.

31. Борис Суварин—известный политик левого французского рабочего движения. Во время войны он был на левом фланге социалистической партии редактором „Попюлер“ и влиятельным членом „Комитета по возобновлению международных связей“, а позднее „Комитета за III Интернационал“. В коммунистической партии был членом Центрального Комитета. Во время первой крупной партийной дискуссии в России осенью 1923 года он горячо отстаивал позицию Троцкого и вел резкую борьбу против большинства ЦК. При этом он провинился в тяжких дисциплинарных нарушениях. Назначенная V всемирным конгрессом ко-

миссия и самый конгресс постановили исключить его из III Интернационала.

32. Письмо к рабочей партии. Связанная сУвариным правая группа в ЦК КПФ отправила осенью 1924 года приветственное письмо английской рабочей партии по поводу вступления в правительство Макдональда. В этом письме, между прочим, рабочее правительство изображалось значительным событием последних лет. Это письмо отчетливо вскрыло оппортунистический характер этой группы.

33. Альбер Трен—один из вождей левой КПФ, заслуга которого заключается в том, что он вначале усердно работал за большевизацию партии. В настоящее время он является членом Политбюро партии.

34. Рабочие стекольные заводы Альби—кооперативный стекольный завод, основанный Жоресом в его родном местечке Альби на чисто-рабочие средства.

35. Пьер Лэн—секретарь социалистического союза молодежи Франции в 1919 и 1920 г. Чистый оппортунист. Один из главнейших представителей „стремлений к реконструкции" в Интернационале молодежи (оживление довоенного Интернационала). Летом 1920 года на конференции в Милане он объявил себя сторонником Коммунистического Союза Молодежи Франции, но через несколько недель вместе с реформистской „молодой гвардией" Бельгии проводил резолюцию о защите отечества. В 1920 г. он был смещен с поста секретаря и образовал новый социалистический союз молодежи; так как последний не расцвел, то он перешел в редакцию буржуазной газеты.

36. Заговор. В мае 1923 года Пуанкаре пытался организовать колоссальный процесс против коммунистов. Он приказал арестовать на железной дороге вождей Коммунистической Партии Франции, возвращавшихся с конференции с германскими коммунистами в Эссене, направленной против оккупации Рура. Этот процесс, в котором видную роль сыграло фальшивое письмо Зиновьева, самым жалким образом провалился, ибо нельзя было привести никаких доказательств справедливости обвинения: „заговор против государства".

СОДЕРЖАНИЕ.

80 коп.